

Новая газета
Европа Специальный выпуск

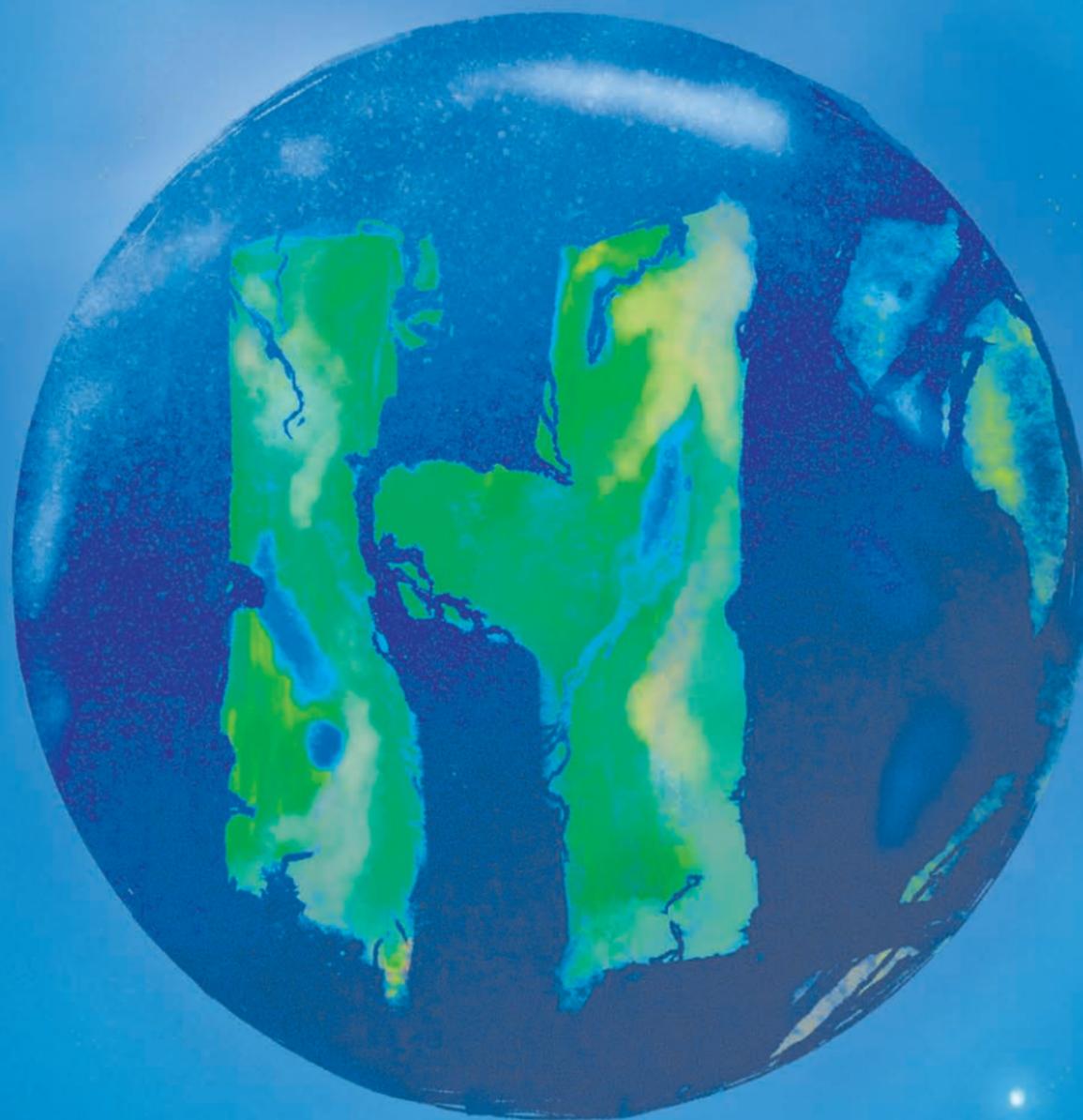
№ 1(5)/2023

6 апреля
2023 г.

Цена: 1,50 Eur

На **НОВОМ** **ВИТКЕ**

**«Новой газете Европа» — год.
Лучшие материалы четырех редакций
от Балтии до Казахстана
под одной обложкой**

КИРИЛЛ МАРТЫНОВ,
главный редактор «Новой газеты Европа»

Просто не дадим остановить «Новую»

Говорить свободно во время войны: год в Европе, тридцать лет в России

Большее года идет страшная война, развязанная Владимиром Путиным против Украины. Тысячи людей в России подвергаются преследованию за призывы к миру. Сотни тысяч бежали из страны. На глазах всего мира Российская Федерация совершает социальное и политическое самоубийство. Мы не смогли остановить этот процесс, но продолжаем сопротивление. Возможность говорить правду на родном языке осталась сегодня у немногих россиян. Для меня и моих коллег эта возможность была отвоевана тридцатью годами работы «Новой газеты». Для нас говорить свободно — значит продолжить издавать газету. Мы продолжим.

Российские власти уничтожили независимые медиа. Они рассчитывали, что молчание и страх станут лучшими союзниками военных преступников. Они уверены, что убивать людей приятнее в полной темноте и без свидетелей. Но все наши коллеги продолжили работать: и «Эхо», и «Дождь», и «Медуза», и многие другие. Появляются новые амбициозные профессиональные проекты — такие, как «Холод» или «Верстка». Участие в работе независимых медиа для граждан России становится личным вкладом в правду о войне. Это выбор, который позволяет защитить личное и профессиональное достоинство.

«Новых газет» в результате действий цензоров стало больше. Героически работает редакция в Москве, в районе Чистых прудов, где многие из нас знают каждый камень. Наши тексты публикуются в Казахстане, они выходят в региональных изданиях, переводятся на английский и другие европейские языки.

А «Новая-Европа» — уникальный проект даже по сравнению с коллегами из других независимых медиа, покинувших Россию. Мы большая газета и при этом полностью, до смешного независимы. Мы начали работу с чистого листа, «высадившись на скалистом берегу», решая на ходу финансовые, логистические, миграционные и творческие задачи.

Мы начали работу через десять дней после закрытия газеты в России. В отличие от других коллег мы уехали из страны без поддержки редакционного менеджмента и инвесторов — они остались в Москве. Мы команда журналистов-единомышленников, а не наемные работники, поэтому должность главреда в «Новой-Европа» становится выборной.

1 апреля 2023 года «Новая газета» отмечала свое тридцатилетие. 7 апреля мы отмечаем первую годовщину работы «Новой-Европа». Спасибо всем, кто поддерживал нас в мирной жизни и во время войны: нашим читателям, «Друзьям Новой газеты», коллегам и единомышленникам в Латвии, Германии и по всему миру.

В этом номере под одной обложкой собраны тексты четырех редакций «Новой». Читайте истории, которые мы отобрали для вас как самые важные за последнее время.

Например, наш дата-отдел расследует передел собственности на временно оккупированных территориях Украины: вот зачем власти РФ на самом деле начали войну.

А в интервью Глеба Богуша, специалиста по международному уголовному праву, вы прочтаете о том, какая судьба ждет российского президента Владимира Путина, ордер на арест которого выдан Международным уголовным судом.

Спецкор «Новой-Европа» в Киеве Ольга Мусафирова пишет о годовщине Бучи.

А Иван Жилин из московской редакции рассказывает о том, как жители Сибири остаются без газа — он идет совсем в другие стороны.

Никита Кондратьев рассказывает о том, что случилось с дезертирами вермахта нацистской Германии с понятными и трагическими историческими параллелями.

Вячеслав Половинко ведет ретроспективный репортаж из Казахстана. И все это — «Новая». Дальше — больше.

ДМИТРИЙ МУРАТОВ,
главный редактор «Новой газеты»

Хорошо, что плохо без вас

Обращение к европейским коллегам

Как плохо без вас!
Как хорошо, что вас здесь нет!
Видел в Музее русского зарубежья чемоданы эмигрантов 1920-х годов. Они считали, что скоро вернутся и не надо распаковывать вещи. Вы знаете больше. Вы опытнее. Вы знаете: надо обустроиваться надолго. Вам сложнее, чем нам в Москве. Мы работаем под цензурой, но в своей стране. Вы — без цензуры, но вдали от своих окон. Чем лучше вы работаете, тем меньше у вас шансов приехать на Родину. Чем лучше работаем мы, тем меньше у нас шансов приехать к вам. Вы продолжаете выполнять профессиональный долг перед читателями, страной, редакцией. У вас нет привкуса эмигрантской правоты. Есть не поучения, а боль. Не ностальгия, а страсть к будущему. Мы ж впервые, да еще как разделенный редакционный народ, проживаем самую трагичную историю своей страны и своей судьбы. Страшную историю: не на нас напали. Не на тех напали... Вы талантливо работаете; не знаю, какими усилиями это дается с вашими огнеопасными характерами, но зато несгораемыми ценностями. Мы знаем: вы тянете одну ляжку там. Мы — тянем другую здесь. Но ноша — общая. Мы вами гордимся. Никто из нас не знает, какой выбор правильный: Родина без свободы или свобода без Родины. Но здесь, в ваших кабинетах, ждет ваша вторая обувь. И да, цветы поливаем.

**Ваша редакция и Д. Муратов
С днем рождения нашей «Новой газеты»!**

P.S. О хорошем: «Притон» работает.

О неприятном: в кабинетах курить по-прежнему нельзя.

Обувь специального корреспондента «Новой газеты» Ильи Азара, которая дожидается его в редакции. Фото Дмитрия Муратова

Дарья Таланова, Сергей Тепляков, Антонина Асанова
Дата-отдел «Новой газеты Европа»

Всё схвачено

Россия устроила передел собственности на оккупированных территориях. Как украинские предприятия переходят в руки «новых собственников»: исследование «Новой-Европа»

3 июня прошлого года российские солдаты вошли на территорию заводов сельхозтехники в Мелитополе. Военные вывели охрану и объявили о смене руководства. На следующий день компания «ГидроСила» — владелец заводов — заявила о потере контроля над своими запорожскими предприятиями.

Спустя два месяца российские СМИ написали о возобновлении поставок «ГидроСилы» в Россию, а СБУ обвинила компанию в том, что она снабжает техникой российские оборонные заводы.

К декабрю оккупационные власти установили контроль над 400 предприятиями Запорожской области под предлогом сохранения рабочих мест и защиты заводов от расхищения. Все они, как заявил глава правительства региона Антон Кольцов, находятся в собственности администрации, и передавать активы украинцев новым владельцам власти не будут.

Под контролем военных оказались зернохранилища, пищевые производства, промышленные цехи, рынки, сети аптек, торговые центры. Прошлой осенью эти объекты начали появляться в российском реестре юридических лиц, а к текущему моменту более тысячи украинских компаний в Мариуполе, Мелитополе и других оккупированных городах переведены в российскую юрисдикцию, подсчитала «Новая-Европа».

Из 1150 обнаруженных нами компаний 80% зарегистрированы в реестре юрлиц Украины, то есть были созданы до прихода российских военных и перешли в российскую юрисдикцию. 250 из них — промышленные и аграрные предприятия. Доходы самых крупных из них, по данным украинского реестра юрлиц, до войны достигли миллиарда рублей в год.

Среди 262 предприятий, у которых в ЕГРЮЛ указан учредитель, 20 сменили собственника. В число захваченных активов входят агрохолдинги, хлебокомбинаты и горнодобывающие компании.

Новые владельцы украинского бизнеса — как правило, россияне: 150 учредителей предприятий в крупных оккупированных городах имеют российское гражданство, и только 14 — украинское. На аннексированных территориях они открывают новые производства или расширяют свои компании. Чаще всего это предприниматели из Москвы, Ростовской области и Крыма. (См. график 1.)

Из тысячи компаний в оккупированных городах только у 260 указан собственник. Как объясняет гендиректор «Трансперенси Интернешнл — Россия» Илья Шуманов, основная причина — попытка предпринимателей избежать санкций:

— Во времена оккупации Крыма российские власти разрешили скрывать собственников крымских компаний, чтобы те не попали под санкции. Это порождает высокий риск отмывания денег путем коррупционных схем и мошенничества. Аналогичная практика сейчас распространяется и на новые оккупированные территории.

Как русский мир отжимает бизнес

Токмакский гранитный карьер в Запорожской области — крупнейший производитель щебня в регионе. В 2021 году завод заработал 50 миллионов гривен (135 миллионов рублей, по курсу 2021 года) на госконтрактах, обновил всё оборудование и готовился поставлять щебень для строительства крупного проекта — автомобильной магистрали по азовскому побережью.

На оккупированных РФ территориях Украины происходит масштабный передел собственности: агрохолдинги, заводы и горнодобывающие предприятия переходят под контроль россиян. «Новая-Европа» обнаружила больше тысячи компаний в Мелитополе, Бердянске, Мариуполе, Лисичанске и Северодонцке, которые теперь зарегистрированы как российские юрлица. Рассказываем, как пророссийские бизнесмены под прикрытием военных используют мародерство, рэкет и похищения, чтобы отбирать ценные активы.

Иллюстрация: «Новая газета Европа»

Как мы считали

Из российского реестра юрлиц (ЕГРЮЛ) мы выгрузили информацию о 1150 компаниях в оккупированных городах с населением более ста тысяч человек — Мелитополе, Бердянске, Мариуполе, Лисичанске и Северодонцке. Мы исключили из выборки государственные учреждения.

Дополнительно мы скачали информацию о собственниках 262 предприятий (гражданство и данные о других учрежденных компаниях). Информация о собственниках остальных предприятий скрыта.

Чтобы проверить, какие из предприятий в нашей выборке уже были в Украине до оккупации и какие из них сменили собственника, мы использовали сервис YouControl. С его помощью мы нашли информацию о 907 компаниях в украинском реестре юрлиц и выделили 20 предприятий, у которых сменился учредитель.

Далее мы проанализировали четыре тысячи объектов бесхозного имущества Запорожской области, адреса которых публикует оккупационная администрация региона. Другие оккупированные регионы, например, Херсонская область, тоже признают имущество украинцев бесхозным, но не публикуют адреса.

Мы оставили 1690 объектов, по которым известно название или тип предприятия (отель, аптека и так далее), и проверили их наличие в ЕГРЮЛ. Так мы нашли в Запорожской области 50 компаний, которые перерегистрированы как российские.

В июне вооруженные люди вместе с представителями военной администрации вошли на территорию предприятия, отключили видеонаблюдение и поставили руководство перед выбором: перейти под российскую юрисдикцию или покинуть завод.

Сотрудничать с оккупационной администрацией собственник и гендиректор карьера отказались — компания перешла в государственное управление.

— С того момента о заводе я узнаю только от бывших сотрудников, — говорит руководитель карьера Евгений Садженица. — Завод работает, но совсем не обслуживается. Запчасти не меняют, регламенты по уходу никто не соблюдает. Даже если там что-то и останется, то только металлолом.

В ноябре карьер появился в российском реестре юридических лиц с новым учредителем — крымской фирмой «Центр экономического взаимодействия республик». Ее гендиректор Сергей Агеев награжден медалью «За защиту Крыма» и внесен в реестр «Миротворец» за участие в аннексии полуострова. Его брат, Александр Агеев, на отжатом карьере занял должность директора. Мы дозвонились до Сергея Агеева, но услышав, что к нему обращается журналист, тот бросил трубку.

— Коллаборанты, которые остались в Мелитополе, мне лично сделали пару предложений вернуться и наладить работу. На собственника даже не выходили. То есть вопрос передачи собственности с нами никто не обсуждал, — говорит Евгений Садженица.

Новый учредитель завода — «ЦЭВ» — занимается товарооборотом с предприятиями «ЛДНР», а также торгует металлом, сельхозпродукцией и щебнем.

Один из собственников компании — Елена Козенко, полная тезка жены Андрея Козенко, — бывшего депутата Госдумы от аннексированного Крыма (сейчас Козенко под санкциями). Еще два учредителя, Владимир Гвоздик и Ярослав Тибекин, — партнеры по бизнесу. Они вместе создали «Союз землячеств Луганщины» и интеграционный комитет «Россия — Донбасс». Обе организации — из Крыма. Их цель — «оказание поддержки соотечественникам, проживающим на территории Донецкой и Луганской народных республик».

Ярослав Тибекин — известный бизнесмен из Донбасса. В сервисе определения номера Getcontact он записан с тегами «ДНР уголь», «Ламборджини Галлардо» и «от Козенко». Местные СМИ связывали Тибекина с незаконным бизнесом по добыче угля в копанках — нелегальных шахтах, а также писали о его работе вместе с экс-депутатом Госдумы Андреем Козенко. Сам Ярослав Тибекин перебрался из Донецка в Крым. Там он вместе с супругой стал соучредителем картинговой «Крымской гоночной команды», ведущим пилотом которой стал их сын Александр.

На жену Ярослава Тибекина, Татьяну Тибекину, записано еще одно горнодобывающее предприятие в Запорожской области — «Минерал». А вместе с ним — два завода: пивзавод и молокозавод.

Продолжение ▶

◀ Начало

Всё схвачено

Бывший владелец последнего — секретарь горсовета Мелитополя Роман Романов. За несколько месяцев до начала войны его семья купила местный молокозавод. Весной глава оккупационной администрации Евгений Белицкий захватил предприятие бизнесмена и, по словам Романова, депортировал его отца, а также продал недвижимость семьи.

В конце ноября молокозавод восстановил работу под руководством «временной администрации». Теперь, как сообщил глава правительства региона Антон Кольцов, предприятие будет поставлять продукцию в ДНР, ЛНР, Крым и Краснодарский край.

Говорить с нами Татьяна Тибеккина отказалась, Ярослав Тибеккин не взял трубку. Мы также позвонили Елене Козенко, но поднявшая трубку женщина сказала, что мы ошиблись номером.

Только в одном Мелитополе, как нам сообщил мэр города Иван Федоров, сотни бизнесменов обратились в полицию и СБУ, чтобы зафиксировать захват имущества:

— Оккупанты вешают на все офисы требование предоставить документы на бизнес в течение трех дней, иначе признают имущество бесхозным. Чтобы доказать право собственности, нужно принести документы, но это не гарантирует, что имущество не отнимут. Захотели — забрали, не захотели — не забрали.

2 июня военная администрация области издала указ о национализации оставленного украинцами бизнеса. Он позволяет записывать недвижимость, земли и оборудование компаний, которые отказались регистрироваться в российской налоговой, в реестр «бесхозного имущества». А дальше бизнес ждет передача либо в госуправление, либо в руки новых собственников.

«По большому счету, неважно, где именно будет зарегистрирован тот или иной собственник. Главное, что это российский капитал, развивающий нашу большую родину, нашу страну. И мы всегда подчеркиваем, что Запорожская область — это наши люди, там работающие, живущие, это составной элемент русского культурного мира, культурного пространства», — подчеркнул замглавы военно-гражданской администрации региона Андрей Трофимов.

За год оккупации власти Запорожской области выявили более четырех тысяч «бесхозных объектов» — от аптек до гранитного карьера. Как правило, их владельцы вынужденно бросили свое имущество с приходом военных. (См. график 2.)

Мы проверили 1690 объектов, по которым известно название или тип предприятия, в российском реестре юрлиц. Выяснилось, что 50 отнятых компаний теперь прописаны в ФНС как российские.

— Бесхозное имущество — это имущество, у которого нет собственника. У Украины есть единый государственный реестр недвижимости и реестр прав на недвижимое имущество, где совершенно четко понятно, кому принадлежит то или иное имущество. Поэтому владельцев можно совершенно спокойно установить. Почему этим не пользуются власти оккупационных

mirvokrugnas.com

Токмакский гранитный карьер

Кто зарабатывает на разрушениях Мариуполя

90% всех зданий в Мариуполе, по украинским данным, были повреждены в результате обстрелов, 40% — разрушены. К концу 2022 года российские власти планировали построить 100 тысяч квадратных метров жилья и заселить не менее тысячи квартир.

Сейчас в Мариуполе, как пишут российские СМИ, повсюду стройка. В городе уже возвели 22 дома. Один из самых масштабных проектов — жилой комплекс из 50 многоэтажек на 7690 квартир. 19 марта город посетил Владимир Путин, чтобы лично ознакомиться с ходом восстановительных работ.

Основным бенефициаром разрушений стал российский строительный бизнес. За год россияне учредили в Мариуполе как минимум 17 строительных компаний. Восстановительные работы для многих стали возможностью расширить свой российский бизнес.

Бывший владелец нижегородской судоверфи Андрей Поляков в ноябре учредил в оккупированном городе отель, а в соседнем здании — строительную фирму. Александр Драгилев пришел со своей компанией «Архитектор» из Ростова, а Тимур Габасов — из Воронежа.

администраций — не очень понятно, — объясняет Илья Шуманов.

«Работаем в режиме выживания»

В феврале администрация оккупированного Бердянска опубликовала объявление: в течение десяти дней предоставить документы на шесть бесхозных предприятий, в числе которых фруктовые сады и животноводческий комплекс.

До войны их владелец активно вел соцсети, но резко забросил их с приходом военных. Вскоре все компании фермера появились в российском реестре под именем нового руководителя — партнера бизнесмена.

— У нас всё как было, так и осталось. Слава богу, без изменений, — признается в разговоре с «Новой-Европа» руководитель, который попросил об анонимности. — Мы одна из немногих компаний, которая сохранила активы, то есть людские ресурсы, хотя это было тяжело.

После внесения компаний в реестр бесхозных фермеру пришлось доказывать права на гектары садов, чтобы они не перешли в собственность РФ.

— У меня к этой процедуре очень много вопросов. Мне не нравится эта история. Считаю ее просто коррупционной. Нет понятных правил, по каким критериям имущество попадает в эти реестры. А ты потом ходи и доказывай, что не осел.

Фермер решил пойти на сотрудничество с Ростовской областью, чтобы сохранить бизнес.

Что еще захватила Россия

МЕСТОРОЖДЕНИЯ УГЛЯ, НЕФТИ, ГАЗА И ДРУГИХ РЕСУРСОВ

Большинство месторождений угля находятся на востоке страны, 100 из них оккупированы Россией. Потеря контроля над месторождениями, как писал The Washington Post, обошлась Киеву в 12,4 триллионов долларов.

КРУПНЫЕ ЗАВОДЫ

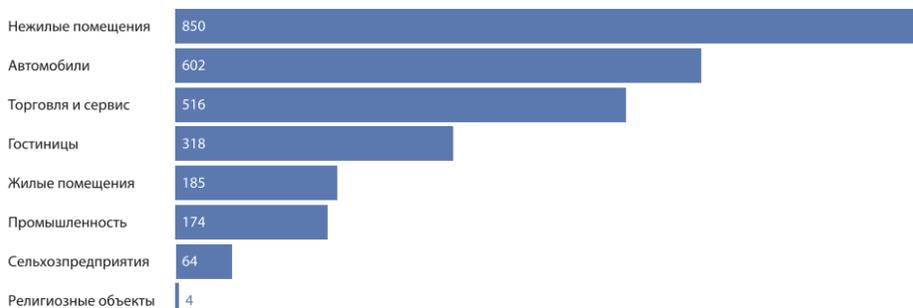
Ведущий производитель посуды — завод «БИОЛ» в Мелитополе — военные разворовали еще в мае. Сейчас его можно найти в ЕГРЮЛ. Гендиректор «БИОЛ» — гражданин России, а собственник скрыт. Похожая история произошла с Мелитопольским заводом автотракторных запчастей: разворованным оккупантами предприятием теперь руководит русский бизнесмен и соучредитель шести компаний по всей стране, от Москвы до Урала.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

До войны Украина обеспечивала 46% мирового экспорта подсолнечного масла и 9% экспорта пшеницы. К июлю, по данным NASA Harvest, Россия оккупировала 22% сельхозземель.

В собственность РФ перешли сотни машин, жилых домов и заводов в Запорожской области

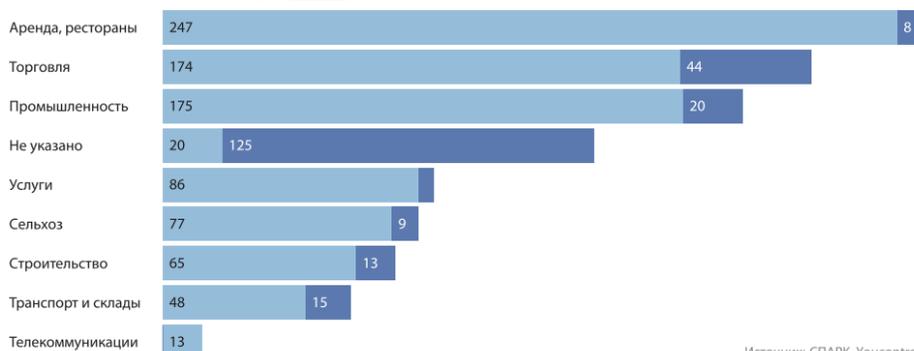
Объекты бесхозного имущества по категориям

Источник: Оккупационная администрация Запорожской области

1 Россия захватила более тысячи компаний в оккупированных городах 2

Компании, учрежденные до и после оккупации, по отраслям

Источник: СПАРК, Youcontrol

Ярослав и Татьяна Тибекины

Битва за желатин

Еще в июне на территории Лисичанского желатинового завода шли бои. Сейчас предприятие под оккупацией и, как пишут российские СМИ (например, здесь и здесь), будет перезапущено на российском сырье для российских потребителей: собственного производства желатина в России нет.

С приходом армии ЛНР руководство потеряло контроль над заводом, а в сентябре он появился в реестре российской налоговой. Новый руководитель, Сергей Мордовцев, — выходец из соседней Белгородской области, где находятся две компании бизнесмена по продаже желатина, одна из которых — «Мелит» — до войны была официальным представителем Лисичанского завода в России.

Говорить с нами Мордовцев отказался.

— Сейчас мы работаем в режиме выживания. Главное — никого не сокращаем, потому что дорожим людьми.

В декабре ФНС отчиталась о регистрации более 30 тысяч юрлиц на всех оккупированных в 2022 году территориях (в городах с населением свыше 100 тысяч человек мы нашли только 1150 компаний).

— Конечно, ты можешь не регистрировать свой бизнес в ЕГРЮЛ, но тогда все объекты недвижимого и даже движимого имущества, которые есть на предприятии, признаются бесхозными. Если ты не перерегистрируешь свой завод, то права на него автоматически перейдут Российской Федерации, — объясняет Илья Шуманов.

Некоторые предприниматели используют брошенную украинскими предприятиями собственность как возможность расширения бизнеса. До войны украинскому бизнесмену Александру Гоику принадлежала только одна компания по продаже топлива. С приходом военных Гоик захватил мелитопольские АЗС крупных сетей «ОККО-ЛАЙТ» и «ВЕСТ ПЕТРОЛ МАРКЕТ», а затем продал на них 80 тонн российского топлива. Завозил он его из Крыма, а прибыль делился с администрацией. 2 февраля прокуратура региона опубликовала уведомление о подозрении бизнесмена в

коллаборационизме. Также Гоика обвиняют в вывозе зерна.

30% от всех украинских предпринимателей, по оценке мэра Мелитополя, не уехали из города и продолжают вести бизнес. Во время войны у них появилась возможность заработать много денег из-за дефицита продовольствия, прочих товаров и услуг. Однако, с точки зрения украинского законодательства, регистрация в российской ФНС и уплата налогов стране-агрессору — преступление.

Заводы используют для нужд армии РФ

До войны около трех десятков предприятий Бердянска, включая крупные промышленные, принадлежали украинскому депутату Александру Пономареву. В марте военные задержали бизнесмена. В знак протеста все заводы Пономарева остановили работу.

После 10-дневного плена депутата госпитализировали, а 31 октября его предприятия перешли под управление оккупационных властей.

Среди них — крупнейший производитель сельхозтехники «Бердянские жатки». Завод остановил работу после оккупации города, что стало официальной причиной передачи предприятия в собственность администрации: «Сырье не закупали, а зарплаты рабочим не платили. Требования властей

Украинский депутат и бизнесмен Александр Пономарев

Захват ЖКХ

В июне военно-гражданская администрация Херсонской области при поддержке ФСБ захватила электросети региона. «Херсоноблэнерго», поставщик электричества в области, заявил о частичной потере контроля над объектами предприятия.

В августе оккупационные власти начали сбор показаний счетчиков и призвали жителей переводить оплату за услуги ЖКХ на счет компании в Промсвязьбанке.

При этом электричество в регион продолжила поставлять украинская «Херсоноблэнерго»: «Фейковое предприятие, созданное оккупационными властями, никакого отношения не имеет к оператору системы распределения АО «Херсоноблэнерго» и имеет целью вытнуть средства из потребителей Херсонской области», — заявило руководство компании на своем сайте.

Электросети Запорожской области тоже были захвачены с приходом военных. Плату за электроэнергию собирает компания «Таврия-Энерго», хотя, как утверждает мэр Мелитополя Иван Федоров, «вся электроэнергия, получаемая мелитопольцами и жителями других оккупированных территорий, производится украинскими электростанциями».

Facebook

оставались без внимания, как и предложения о помощи. Пришлось принимать решение о национализации», — пишет пророссийское СМИ города.

В ноябре «Бердянские жатки» и еще три завода нардепа Пономарева власти передали в руки новых собственников. После длительного простоя предприятия снова заработали. Но если раньше «Бердянские жатки» выпускали сельхозинструменты, то теперь, как пишут городские СМИ, завод снабжает российскую армию противотанковыми ежами и буржуйками.

На новом сайте «Бердянских жаток» указан телефон магазина сельхозтехники из Уфы. Его владелец, Руслан Галиев, разговаривать с нами не стал.

“
Более десяти промпредприятий в оккупированных регионах уже записаны на новых владельцев. некоторые заводы власти напрямую используют для нужд армии
”

Более десяти промпредприятий в оккупированных регионах уже записаны на новых владельцев. Их производство переориентировано на российский рынок, а некоторые заводы власти напрямую используют для нужд армии.

В августе движение «Мы вместе с Россией» и «Мелитопольский мясокомбинат» подписали соглашение: продукция предприятия вошла в состав гуманитарной помощи «нуждающимся жителям Запорожской области».

До войны мясокомбинат входил в агрохолдинг нардепа от «Партии регионов» Валентины Поповой. Сейчас три компании холдинга можно найти в российском реестре юрлиц. Как минимум одна из них — «Мелитопольский мясокомбинат» — переписана на гражданина РФ.

В мае, по словам бывших сотрудников комбината, на его территорию вошли «автоматчики чеченской национальности». Спустя месяц украинская разведка сообщила, что оккупационные власти переоборудовали предприятие в морг. В комбинат свозили трупы военных, погибших в боях на направлении Пологи — Гуляйполе.

— Объекты, имеющие стратегическое значение или представляющие коммерческий интерес, — лакомые кусочки, которые хочется забрать в первую очередь, — комментирует Илья Шуманов. — К тому же Россия не может постоянно выдавать пособия. Она стремится перенести ответственность на компании, на работодателей и наладить субсидирование людей, которые работают в интересах государства.

«Это не освободители, а мародеры»

Захватив аграрный центр Украины — юг Запорожской области, Россия развернула кампанию по вывозу зерна и сельхозтехники. По оценкам Bloomberg, из оккупированных регионов Россия похитила 6 млн тонн зерна, а общие потери аграрного сектора, включая утраченное оборудование, несобранный урожай и пострадавшую землю, по данным Киевской школы экономики, к ноябрю 2022 года достигли 34 млрд долларов.

«Это не освободители, а мародеры. На днях они ограбили площадку сельхозтехники «Техмотор», у Agro-invest на 1,5 млн евро украли технику», — написал 5 апреля 2022 года в своем фейсбуке глава Мелитополя Иван Федоров. Большая часть оборудования, по словам главы, была оснащена GPS. Ее путь удалось отследить до мест прибытия — Крыма и Чечни.

— Всё оккупировано, не работает, разворовано, — говорит в разговоре с «Новой-Европа» менеджер еще одной пострадавшей компании — «Агроальянс». В Запорожской области у фирмы было два филиала — в Мелитополе и Гуляйполе. Из первого оккупанты украли технику, во втором не уцелело даже помещение магазина: — Только каркас остался без ворот. Всё сгорело.

Получить компенсацию за ущерб от России, как объясняет Илья Шуманов, невозможно:

— Ты должен доказать, что тот, кто участвовал в разрушении здания, имеет отношение к РФ. Но доказать, что снаряд был российский, ты не сможешь.

Крупные украинские предприниматели, у кого стоимость бизнеса исчисляется десятками миллионов долларов, по словам мэра Мелитополя, даже подавали иски в Европейский суд по правам человека и международные арбитражи:

— Все те, кто покинул оккупированные территории, рассчитывают на компенсацию и фиксируют кражу имущества в рамках уголовных дел. Буквально недавно Верховная Рада утвердила закон по компенсации жилой недвижимости, но механизма компенсации ущерба коммерческой недвижимости пока нет.

Весь бизнес, который находится на оккупированных территориях, Украина считает захваченным.

— Мы не в состоянии контролировать временно оккупированные территории. Поэтому всё то, что там находится, так или иначе украдено врагом, — комментирует Иван Федоров. — Когда Россия будет выплачивать репарации, она обязательно покроет весь ущерб, который нанесла бизнесу, поскольку то, что сегодня происходит, — это чистое мародерство, воровство и бандитизм.

Дарья Таланова, Сергей Тепляков,
Антонина Асанова
При поддержке Медиасети

Представленные к ордеру

Будут ли Путина и Львову-Белову судить в Гааге? Кто первым их выдст? А Россия что-то может сделать в ответ? Интервью юриста по международному праву Глеба Богуша

yeltsin.ru
Глеб Богуш

Ирина Тумакова
специально для «Новой газеты Европа»

Палата предварительного производства II Международного уголовного суда (МУС) в Гааге выдала ордера на арест президента России Владимира Путина и уполномоченной по правам ребенка в РФ Марии Львовой-Беловой. Оба, как сообщает сайт суда, несут «ответственность за военное преступление — незаконную депортацию детей с оккупированных территорий Украины на территорию Российской Федерации». В какой стране президент Путин может быть арестован — объясняет эксперт по международному праву, кандидат юридических наук, научный сотрудник Копенгагенского университета Глеб Богуш.

— Почему Международный уголовный суд начал именно с этого состава — незаконного переселения детей и незаконных депортаций?

— С самого начала войны, когда стало известно об этой практике депортации детей, она рассматривалась как наиболее очевидная причина для преследования. Кроме того, приоритет МУС в расследованиях — преступления против наиболее уязвимых групп, в первую очередь — детей. Это достаточно понятное обвинение, по которому, я думаю, у суда, действительно, есть разумные основания полагать, что преступления были совершены и что ответственность должны нести именно эти лица. И этот сюжет много раз обсуждался. Мне кажется, что это очень правильный выбор.

— Это, наверное, очень трудно доказать? Дети, которых перевезли в Россию, находятся в детдомах и интернатах, доступа к ним нет. У тех, кто их перевозит, логичное вроде бы объяснение: дескать, не оставлять же детей под бомбежками и обстрелами.

— Существуют нормы международного гуманитарного права, которые запрещают эту практику. И Российская Федерация в числе других участников Женевской конвенции должна эти нормы соблюдать. И я хочу обратить внимание: весь этот год звучали многочисленные призывы к России со стороны разных государств, международных организаций, включая ООН, прекратить эту практику. Кроме того, ордера ведь остаются секретными, они не опубликованы.

— Но информация о них есть на сайте МУС.

— Не совсем так. Есть два варианта выдачи таких ордеров. Один — публичные ордера, как это было с экс-президентом Судана аль-Баширом: полная процедура, большое решение на двухстах страницах. Но ордер необязательно должен быть публичным, и мы ведь не знаем, сколько выписано этих ордеров: может быть, их не два, а больше.

Здесь было принято промежуточное решение, в том числе и для защиты потенциальных свидетелей и потерпевших, которые, вероятно, будут давать показания, если суд состоится. Было принято решение сами ордера не публиковать, но объявить о том, какие преступления вменяются и кому они вменяются. То есть суд решил объявить о самом факте существования этих ордеров, но не делать их публичными. Поэтому многое из того, о чем мы сейчас говорим, носит предположительный характер. Мы не знаем, в частности на какие конкретные доказательства опирается прокурор.

— Означает ли само появление ордеров, что какими-то доказательствами прокурор уже располагает?

— Конечно. Я полагаю, что если ордера выписаны, то доказательств собрано уже достаточно. Надо понимать, что это решение судей, которые рассматривали ходатайство прокурора, это происходит по вполне определенной процессуальной форме, судьи опираются на конкретные нормы права, достаточно строгие. Были ситуации, когда судьи отказывали в выдаче ордеров, например, в начале расследования. Это не какой-то автоматический режим, когда прокурор просто выдает ордер. Это именно решение судей, которые ориентировались на представленные им данные.

Хочу напомнить, что по этим делам работает не только Международный уголовный суд, не только его следствие. В этом принимает участие очень большое количество государств, и информации собрано, как мне кажется, достаточно много.

— Россия уже ответила в своей обычной манере: чихать мы хотели на ваш суд, он нам не указ, мы к Римскому статуту не присоединялись, знать вас не знаем, вы, вообще, кто?

— Россия, кстати, действительно, не присоединилась к Римскому статуту, хотя подписала его. И это сейчас удивительная ситуация, когда одним из подозреваемых оказался человек, который когда-то отдал распоряжение о подписании Римского

Wikimedia

Александр Бастрыкин

Он расследует преступление. Дальше дело за государствами, в том числе за Российской Федерацией. Вы исходите из того, что нынешняя ситуация вечная? Я думаю, что она, действительно, не очень оптимистичная, никто ею не доволен, но вечного ничего не бывает.

Что касается международных преступлений, то здесь не применяются сроки давности. Когда будет суд, над кем будет суд, предстанет ли кто-то перед судом — мы этого пока не знаем. Но задача всех, кто вовлечен в этот процесс, профессиональных юристов — выполнять свою работу. И су-

“

Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин в свое время очень горячо выступал за скорейшую ратификацию Римского статута

”

статута. Но у России нет обязательств сотрудничать с МУС. Так что в этом смысле ответ юридически корректный.

— То есть подписать-то Россия подписала, но потом не ратифицировала Римский статут?

— Не то что не ратифицировала, а просто заявила, что не собирается становиться его участником. В прессе и в других неюридических источниках это называется отзывом подписи, но в реальности это просто заявление государства о том, что оно не будет в этом участвовать. На самом деле, оно может в любой момент передумать и присоединиться. И я напомним вам, что глава Следственного комитета Александр Бастрыкин в свое время очень горячо выступал за скорейшую ратификацию Римского статута.

— Жалеем небось теперь.

— Но было это его интервью, оно до сих пор, кажется, есть в интернете. Я говорю это к тому, что ситуация развивается, и многие вещи, которые нам казались невероятными, становятся реальностью. И я бы не стал гадать, как будет развиваться эта ситуация.

— Ну а как она может развиваться? Мне лично трудно представить, как это будет выглядеть на практике.

— Пока я с вами согласен. Я не вижу реалистичного сценария исполнения ордеров в настоящий момент. Но в чем задача суда?

Wikimedia

Воислав Шешель

дья, и прокурор, и должностные лица государств руководствуются нормами права. Решение суда может быть тактически правильным, может быть неправильным — но, на мой взгляд, молчание суда в течение года уже вызвало вопросы, от суда требовались какие-то действия. Суд не может никого арестовать, не может кого-то насильно привезти в Гаагу, но ситуации были. Были даже случаи, когда подсудимые просто являлись в суд.

— Сами являлись?

— Конечно. В Трибунал по бывшей Югославии сам явился Воислав Шешель. В Международный уголовный суд сам явился, между прочим, президент Кении Ухуру Кениата, на тот момент он был действующим президентом и после этого еще оставался

Владимир Путин и Мария Львова-Белова

Ухуру Кениата

— На самом деле, кроме упомянутой Кении, другие главы государств, а их было осуждено немало, попадали в суд уже после того, как их полномочия закончились. И то не все: Омар аль-Башир по-прежнему находится в Судане, а не в Гааге, хотя ордер на его арест не отменен. И возникает определенная коллизия: с одной стороны, государство должно выполнить какие-то принудительные действия, но в отношении лица, обладающего иммунитетом. У государств есть обязательство по отношению друг к другу уважать в том числе и иммунитет глав.

Существует позиция, которая отражена в практике Международного уголовного суда, она опирается на решения других судов, в частности на дело бывшего президента Либерии Чарльза Тейлора, его в конце концов судил специальный суд по Сьерра-Леоне. Позиция заключается в том, что международные суды — это не государственные органы, они действуют от лица международного сообщества, и здесь иммунитет неприменим.

“
Как эти ордера будут исполняться, когда они будут исполнены, будет ли вообще этот иммунитет иметь значение — вопрос не сегодняшнего дня
 ”

А есть практическая сторона дела, связанная с арестом, с передачей в суд, и здесь разные государства в своей практике занимают разные позиции. Далеко не все считают, что иммунитет главы государства можно игнорировать. Конечно, всё это вызовет проблемы. Но мы ведь, повторю, не знаем, что судьи написали в решении, по которому выписан ордер. Судя по предыдущей практике, они должны были всё это как-то объяснить.

Думаю, что логика такая: на данный момент судьи показали, что они думают о доказательствах, которые им предъявил прокурор. Как эти ордера будут исполняться, когда они будут исполнены, будет ли вообще этот иммунитет иметь значение — вопрос не сегодняшнего дня. Вот когда он возникнет на практике, тогда мы это и увидим.

Омар аль-Башир

— А как он может возникнуть на практике. Вот, скажем, приехал Владимир Владимирович...

— В Душанбе, например. Таджикистан — участник Римского статута.

— Пусть будет Душанбе. И что? Его прямо окружит какая-нибудь гвардия Таджикистана и наденет наручники?

— А почему нет? Я вам просто говорю, какие могут быть сценарии. Я понимаю, что вы иронизируете, я тоже привел в пример Душанбе не случайно. Но решать будут власти той страны, куда приедет Путин: как им быть с их международными обязательствами — с одними, с другими, как эти обязательства соотносятся. С аль-Баширом таких историй было много.

— Вот я как раз про аль-Башира хотела вспомнить. Он довольно активно путешествовал, когда ордер на арест уже существовал.

— Путешествовал он не вполне свободно, но, действительно, разъезжал, причем посещал и страны — участницы Римского статута. И по многим из них были решения Международного уголовного суда о том, что они не выполняют обязательств по статуту. Особенно острая ситуация возникла в Южной Африке, там вмешались суды и местные активисты, всё было уже на грани. Можно предположить, что нечто подобное произойдет где-то и с Путиным. Но мы же и не видим каких-то его поездок в такие страны. Если такая поездка состоится, то она поставит власти принимающего государства в такое положение, когда им придется что-то решать. Повторю, что отношение к иммунитету существует разное, государства без большого энтузиазма пренебрегают иммунитетом.

— Теперь каждый раз, когда Путину захочется куда-то поехать, этому будут

предшествовать отдельные переговоры о том, чтоб его там не обидели?

— Вот это мне сложно сказать, это решают те, кто планирует поездки. Но я думаю, что будет и определенное давление на какие-то государства — например, чтобы они выходили из Римского статута. Совет Безопасности ООН может заморозить расследование МУС, но для этого нужно, чтобы за это проголосовали все постоянные члены ООН, а такое сейчас вряд ли возможно. В любом случае, вариантов здесь много. И к МУС в мире отношение очень разное, Соединенные Штаты, Израиль, некоторые другие страны не очень расположены с ним сотрудничать.

— С «подельницей» Путина, судя по ордерам, Уполномоченной по правам ребенка Марией Львовой-Беловой ситуация ведь не такая сложная.

— Да, она занимает позицию, не предполагающую никакого иммунитета. Есть тройка лиц, которые обладают иммунитетом: глава государства, премьер-министр и министр иностранных дел. С остальными должностными лицами всё гораздо проще, тут вопросов не возникает.

— Если смотреть на решение судей МУС не с практической или юридической точки зрения, а с символической, то оно что означает?

— С символической точки зрения это очень важное послание. Оно означает, что Международный уголовный суд опирается на нормы права и считает важным реализовывать эту свою миссию. Проще говоря, суд не пугается того, что имеет дело с постоянным членом Совета Безопасности ООН. В этом смысле ситуация беспрецедентная, это действительно исторический момент. Я думаю, что этот день войдет в историю.

Насколько это будет значимо практически — увидим через какое-то время. В истории было много таких расследований — и международных, и национальных, когда дело казалось абсолютно безнадежным, нереалистичным, причем обсуждались как раз моменты политические. Напомню, что бывший президент Республики Сербской Радован Караджич и генерал Радко Младич были участниками мирных переговоров, Караджич при аресте ссылался на некий иммунитет, предоставленный ему переговорщиками.

Международное правосудие — это забег на очень длинную дистанцию с неопределенной продолжительностью. Но история показывает, что очень многие люди, считавшие себя недосыгаемыми, в суде тем не менее оказывались.

им, хотя его обвиняли в преступлениях против человечности.

— Его оправдали?

— Процесс просто не был завершен, хотя можно сказать, что оправдали. Просто процесс на каком-то этапе зашел в тупик и был прекращен. Но я хочу сказать, что мы не знаем, как будет развиваться ситуация. Посмотрим.

В конце концов, это только два первых ордера. Прокурор отдельно дал понять, что это не последние ордера, что он и дальше будет действовать в соответствии с теми доказательствами, которыми располагает.

— Могут ли в МУС обвиняемых судить заочно, как это было в суде по сбиту «Боингу»?

— Нет, не могут, и это как раз создает проблему. Но заочный вариант суда — и не самый лучший, поэтому разработчики статута от него принципиально отказались с самого начала, так что эта опция отсутствует. Заочно в МУС никого судить нельзя.

— Какой теперь статус в мире у Путина, в каком положении он оказался? Он из страны может выехать?

— Думаю, что он может ездить, куда захочет, на свое усмотрение. Ну и на усмотрение тех глав государств, которые захотят его у себя видеть, которые предоставят ему возможность приехать. Что касается обязательств арестовать его и передать в суд, то они есть только у участников Международного уголовного суда.

Есть обстоятельство, которое эту ситуацию серьезно усложняет: в соответствии с международным правом, у действующего главы государства есть иммунитет в течение срока его полномочий. Но этот срок тоже не вечный.

— Это как сказать.

Ольга Мусафирова
собкор «Новой газеты Европа»

Улица Расстрельная

Его уже посмертное фото в The New York Times облетело весь мир.

Велосипедист в оранжевых нитяных перчатках, такие обычно носят строители, лежит навзничь на проезжей части улицы Яблуньской. Рядом — часть ограды с кирпичными колоннами, указатель «Таунхаусы», воронка от прилета, залитая талой водой.

Автор снимка — Михайло Палинчук, фотодокументалист, личный фотограф пятого президента Украины Порошенко. Палинчук приехал в Бучу сразу после отступления россиян и зачистки территории города от диверсантов. Тела расстрелянных, сожженных людей были везде, их только начинали ввозить в морг.

«Они лежали там не один день, наверное, неделями. Я ничего подобного в жизни не видел и, надеюсь, никогда снова не увижу, — рассказывал позже фотограф украинскому интернет-изданию LB.ua. — ...Я снимал где-то неделю и больше не смог, сделал паузу. И это, кстати, тоже одно из отличий между украинскими журналистами и западными. Западные журналисты приезжают сюда в командировки, они работают и уезжают. А мы тут живем и должны это видеть каждый день».

Расследователи NYT провели в Буче действительно много времени. Мониторили социальные сети, искали сообщения родных, друзей, коллег о пропавших в городе с конца февраля по конец марта 2022-го. Чтобы был понятен масштаб преступления в целом: репортеры взяли интервью у личности лишь тех, для кого улица Яблуньская стала улицей Расстрельной — мужчин, женщин, детей, — всего 36 человек. На момент выхода интерактивной публикации, то есть 21 декабря 2022 года, неопознанными из этого числа оставались 4 жертвы.

Кто был этот велосипедист в оранжевых перчатках, стало известно довольно быстро: в апреле после экспертизы ДНК из морга города Белая Церковь (бучанский переполнился сразу) родственники забрали останки Михайла Романюка 57 лет и похоронили на кладбище, которое резко разрасталось.

Старший брат

Старый дощатый забор окружает усадьбу, по-украински — «обійстя», на два дома: родительский, где живет Ганна Григорьевна Романюк, и ее дочери, Катерины.

В доме Ганны Григорьевны в зале давно вытерлась краска на половицах. На диване — лоскутное одеяло, на комоде — подобие алтаря: иконы рядом с почетными грамотами в рамках, а сверху портрет юноши — как из выпускного альбома.

— Это Михайло? — спрашиваю.

Беззвучно плачет:

— Нет, Сережка, младший, пятьдесят лет. Взяли на войну. В Киеве, в тюрьме работал, потом в департаменте — забыла, как правильное название. За здоровье молюсь.

Опираясь на палку, ведет в крохотную спальню, где тоже молодые портреты и запахи свечного воска:

— Муж покойный и Мишко, старший... Господи, прости за такие слова, как же ты допустил? Дети должны хоронить родителей, а не наоборот! Мишко после армии постройкам — в Буче, в Киеве. Кладку кладет, штукатурит, беспесчанку тянет, сварка разная. Веселый, добрый, петь любил.

Большая война в Буче началась не просто с обстрелов, а с того, что дружно исчезли свет, вода, газ, интернет, замолчал телевизор и, самое страшное, — пропала мобильная связь. Ее надо было искать, рыскать,

рискуя не вернуться живым. Потерять связь внутри большой семьи — дети, внуки, сватья, кумовья, двоюродные, троюродные — рассыпаться, как песок.

— Сижут тут, оно гудит, аж стены трясутся. Как будто прямо на меня едет, — кивает Ганна Григорьевна в сторону окна, обведенного голубой краской.

Танки с буквой «Z» еле втиснулись в лесную улочку.

Михайло не боялся, колесил по Буче. Возвращался с новостями, одна страшнее другой.

Особенностью оккупированного города стало то, что подразделения российских военных тоже всё время перемещались. Сегодня их в каком-то микрорайоне нет, завтра появились. Убийства гражданского населения не зависели от причин. «Русская рулетка» — так выглядели карательные акции.

4 марта Катерина согласилась с доводами своего взрослого сына: вместе с невесткой и внучкой пробовать эвакуироваться в Польшу, хотя все слышали — беженцев на дороге расстреливают прямо в машинах. Катерина смогла вырваться из Бучи. О том, что Михайло погиб, ей сообщил родственник, Олександр. И то спустя несколько дней.

— Шестого марта они с Мишкой собрались на велосипедах на «Жираф», — рассказывает Катерина. — Так у нас магазин называется. Соседи передали, что в дом попал снаряд, батя под завалами остался, надо спасать. По Вокзальной проехали нормально. Свернули на Яблуньскую. А там снайпер... Мишку пуля ударила в голову, погиб на месте, Сашку — пробила рюкзак навзничь. О том, чтобы забрать тело, даже речи не шло. Там мертвые везде лежали...

— А мне ж никто не сообщил, — беззвучно плачет Ганна Григорьевна.

— Правильно. Ты бы тогда и с Сережиной семьей отказалась эвакуироваться. А он приказал: «Мать хоть волоком, но забирайте

Ганна Григорьевна Романюк у себя дома возле портретов покойного мужа и недавно погибшего старшего сына Михайла

с собой на Западную Украину!» — оправдывается, видимо, в очередной раз Катя.

О гибели старшего сына матери сказали только после освобождения города, когда в Луцке потребовалось сдать анализ ДНК для опознания. Хоронили Мишка тоже без нее. Вынесли в черном мешке: «Помните живым, смотреть не советуем. Месяц пролежал на Яблуньской».

Катерина и Ганна Григорьевна говорят о трупном запахе, который еще витал над Бучей в момент их возвращения домой. По меньшей мере 465 жизней мирных граждан забрал период оккупации, 419 из них убили российские военные. В том числе среди погибших — 12 детей и совсем молодых людей. Свыше полусотни бучанцев нашли непогребенными. Но статистика местных органов власти дополняется.

Потом мы поехали на кладбище проводить Мишка. Ряды свежих могил тянулись до лесополосы.

Разбитый танк на дороге, ведущей в сторону Бучи

После

Здесь все всё помнят, следят за расследованиями, ждут наказания преступников. Свидетелей хватит. Репортаж из города-мученика, города-героя

ДНК-анализаторы, разбили возле морга палаточный лагерь. Рядом выстроились рефрижераторы. Очередь к палаткам не становилась меньше даже по ночам, при свете прожекторов. Французские эксперты, люди с закаленной психикой, признались: готовили себя ко всему. Но реальность превзошла ожидания.

Сейчас, в феврале 2023-го, на заднем дворе районного морга стоял рефрижератор министерства обороны Украины. К машине подогнали каталки. Сотрудники в голубых халатах, шапочках и масках начали выгружать тела. С фронта привезли погибших земляков-бучанцев. Сергей Ляхович, судебно-медицинский эксперт, вышел ко мне лишь на несколько минут, но не мог отказать мужчине с ворохом бумаг, который ждал у крыльца.

— Если нет ни ДНК, ни тела, человека считают без вести пропавшим, — доносились обрывки их разговора. — Значит, ваш брат либо в плену, либо погиб...

Сотрудничество с французскими коллегами Ляхович оценил так:

— Экспертизы проводили параллельно: я или мой коллега и эксперт-жандарм. С нами также работала группа украинских полицейских-криминалистов. Именно они изымали биоматериалы, у французов — такие же специалисты. Двойной контроль. К сожалению, наша ситуация в судмедэкспертизе оставляет желать лучшего. У французов всё на более передовом уровне. Портативные рентген-установки, блотуз, где не нужна ни пленка, ничего. Цифра! Счет ДНК-образцов шел на сотни одновременно.

— А неофициально делились впечатлениями?

— Массовые зверства их потрясли. Нечеловеческое поведение даже по отношению к мертвым. Были тела, поперек раздавленные бэтэрами после того, как наступила смерть. Еще поразились нашим специалистам.

«Счет ДНК-образцов шел на сотни одновременно»

В начале мая в городе приступила к работе миссия жандармов-криминалистов из Франции, тридцать профессионалов. Помогали украинским коллегам с опознанием тел.

Французы привезли с собой мобильные лаборатории, оборудование, портативные

Рефрижератор с «грузом 200» рядом с Бучанским бюро судмедэкспертизы

Территория храма святого Андрея Первозванного во время оккупации превратилась в место вынужденного захоронения горожан

Буччи

Знаете, не секрет: они всё же представляли Украину страной третьего мира.

Ляхович уточнил: обе стороны описывали процедуру со своими нюансами, например, множественные пулевые ранения тела. Но итоговые заключения получились идентичными.

Мы живые

Почти через год после Бучанской резни пригород Киева снова выглядит живым. Полно машин, еще и не сразу припаркуешься. В кафе воркуют парочки. Ухожен сквер возле гимназии № 5 с углубленным изучением иностранных языков, замечен свежий ремонт здания. Даже храм Андрея Первозванного, на территории которого находились братские могилы, опять бел. Ни единого осколочного ранения на стенах. При эксгумации тела поднимали из ям на снятой с петель и обвязанной веревками церковной двери...

Но вокруг хватает строений, где окна закрыты щитами, другие покалечены куда серьезней, а на улицах зияют пустоты, как будто дантист вырвал из челюсти зубы один за другим. От торгового дома «Эпицентр», например, осталась только одноименная остановка транспорта и рекламный указатель... Поврежденных объектов (цитирую статистику по материалам городской Рады) более тысячи. Из них 138 разрушены полностью, остальные в значительной степени или частично повреждены. Если более предметно, то 130 объектов — многоквартирные дома, 974 — частные. Пострадали 44 объекта социальной инфраструктуры — больницы, школы, детские сады, другие учреждения. И это без учета ущерба, нанесенного критической инфраструктуре.

Особая история связана с жилищным комплексом «Континент», современной новостройкой на 600 квартир в районе железнодорожного вокзала. Сначала по «Континенту» ударил танк. Затем российские военные превратили холл многоэтажки в свою базу: еще бы, такой уровень комфорта! Выезжали отсюда на позиции обстреливать соседний Ирпень и возвращались — пьянствовать, взламывать двери квартир. Если жилье оказывалось еще незаселенным, с досады крушили. В случае удачи сначала

грабили, следом крушили. Жильцы, которые не успели бежать, превратились в «живой щит»: их закрыли в подвале на три недели. Ведро, служившее унитазами, разрешали выносить раз в три дня. Настоящие унитаза вместе с холодильниками, стиралками, плазмами, ортопедическими матрасами, компьютерами, одеждой «освободители от нацистов» успели перед отступлением погрузить на боевые машины.

«Инвестиции пойдут. Но после войны»

Поймать для интервью Михайлину Скорик-Шкариковскую, заместительницу городского головы, «министра иностранных дел Бучи» (доля шутки минимальна), считается журналистской удачей. Мне, например, удалось «по наводке» далеко за пределами ее служебного кабинета на встрече с фокус-группой внутренне перемещенных лиц громады.

В прошлом медиаменеджерка и гражданская активистка, «министр» Михайлина после оккупации встречала в Буче и водила по ней десятки делегаций, потрясенных увидевшим: президенты, премьеры, высокопоставленные представители ООН, НАТО, Совета Европы, Еврокомиссии. Из-под громады планов, переговоров, проектов, наконец, вытек «план Маршалла» для Бучи: «Инвестиции пойдут. Но после окончания войны». Пока только латание дыр за счет внутренних ресурсов. Крупный иностранный капитал сострадал городу-герою (этот статус был присвоен 25 марта 2022 года указом президента Зеленского), но учитывал собственные риски: вложим сегодня миллионы в реконструкцию и строительство, а русские ракеты снова всё разобьют...

Хотя наш разговор я начала с «Героической Бучи Комбучи», ферментированного напитка из чайного гриба. Энергетик выпустили недавно, чуть не к годовщине трагедии предприниматели соседнего Ирпеня...

— Это что, Михайлина?

— Это неуважение. Но городской совет не регулирует бизнес. Общество во время войны очень разделено. Есть те, кто воюет, есть те, кто уже похоронил своих родных. Есть испытывавшие оккупацию, есть выехавшие за границу, потерявшие свои дома. Зависит от степени пережитого. С одной

стороны, людям хочется жить и запускать новые бизнесы, что естественно. С другой — приезжают парни с фронта: «Как вы можете наслаждаться, когда...» Мы, на самом деле, на таком разрыве живем девятый год, но еще не осмыслили всего, что произошло и происходит со страной, — считает Скорик-Шкариковская.

Заместительница городского головы уверена: украинскому обществу придется научиться жить и воевать одновременно.

Спрашиваю, имеет ли Михайлина объяснение, почему оккупанты так зверствовали именно в Буче?

— У Путина был план: высадить десант в крупнейшем грузовом аэропорту «Антонов» в Гостомеле. Соответственно, 25 февраля в Буче уже горели дома, 27 февраля колонна российских танков пыталась прорваться через Бучу на Киев. ВСУ удалось разделить колонну на три части и разбить между Бучей и Ирпнем, на улице Вокзальной и на кольце, возле жилкомплекса «Континент». Затем «Киев за три дня» лопнула именно здесь.

— В Украине нет статуса «города-мученика». Возможно, он больше бы соответствовал реалиям Бучи?

— Но Буча именно город-герой! Из 53 тысяч населения после деокупации здесь осталось 3700 человек, Красный Крест сразу составил реестр. Около 50 тысяч человек эвакуировались по полуофициальным «зеленым коридорам» с огромным риском, а пережившие террор первыми начали отстраивать город. В конце мая дали электричество, газ, пошла вода. Стойкость, сопротивление, желание возродиться — это о Буче. Стратегически теперь мы как никто должны показать историю украинского успеха. И да, Буча всё помнит. Тут хватает свидетелей.

«Нам есть что делать на этой земле»

Территория храма святого Андрея Первозванного Православной церкви Украины (ПЦУ) во время оккупации превратилась в место вынужденного захоронения горожан. Не то чтобы российских военных совесть замучила — мол, не по-христиански оставлять жертвы на растерзание стаям оголодавших собак. Нет, за себя боялись. Всё же теплеет, эпидемии начнутся... Пришлось 10 марта разрешить вырыть траншеи у церкви. Мертвых не хоронили, а неглубоко прикапывали в посадках, во дворах, в огородах. На кладбище не попасть: за чертой города простреливался каждый метр. Покойников свозили к храму на тележках, взятых из разбитого строительного супермаркета неподалеку.

Протоиерей Андрей (Галавин) за несколько дней до вторжения отправил жену

с детьми к своим родителям, а сам вернулся к прихожанам.

Мы увиделись на Сретенье, с утра он проводил молебен в праздничном облачении. Теперь передо мной сидел мужчина средних лет в стеганой куртке, джинсах, с худым бесконечно усталым лицом, академической речью и большой стойкостью духа.

— Через год после массовых казней можно ли жить в городе и быть счастливым, отче?

— В Украине травмирована не только Буча, к сожалению. Мариуполь, Бахмут, другие места... Гибнут украинские солдаты, чьи-то дети, которые оставили мирные профессии и пошли защищать нас, останавливать Россию... Но мы обязаны быть счастливыми уже сейчас, даже не назло оккупантам. По большому счету, всё равно, что они думают. (Заметив мою реакцию.) Вы воспринимаете счастье во внешних проявлениях...

— Возможно.

— А я говорю о счастье внутри. До 24 февраля мы вертелись как белка в колесе. Обустраивали быт, какие-то проблемы решали, спроси: «Счастливы ли?» — удивимся. Во время оккупации, когда переживания, взрывы, нет света, нарочно создана информационная изоляция, молитва как разговор с Богом — счастье в немного другом измерении. Бог всегда рядом, но не всегда рядом мы. Любые обстоятельства надо использовать как шанс подняться на новый внутренний уровень. О трагедии помнить, но не заикливаться на ней после победы. Смотреть вперед. Стать нацией здоровой, без ненависти. Не имеет значения, будут россияне потом каяться или не будут. Мы о себе, своем духовном здоровье должны заботиться, чтобы жить ради любви. Нам есть что делать на этой земле.

Отец Андрей вполне мог оказаться в числе убитых или замученных просто за принадлежность к ПЦУ, хоть он не ходил по городу в рясе и с крестом на груди. И продолжает:

— Здесь погибли два священника: Украинской церкви, он жил в Буче, а служил в Киеве, и Московского патриархата, пророссийских взглядов, из Ирпеня. Российской мине всё равно...

После паузы:

— Певчего нашего храма тоже казнили. Пытали, затем сожгли всю семью.

Священник перечисляет жертв и обстоятельства гибели ровным тоном. В подтверждение показывает со смартфона кадры, от которых хочется зажмуриться. Такими снимками галерея переполнена.

Не рискнула спросить, удалит ли он их из памяти хоть когда-нибудь.

«Короче, мы попали в окружение», — говорит в камеру парень в военной экипировке без знаков отличия. На бронезилете — нашивка с именем «Шкабрик» и патч цвета хаки с «мертвой головой».

«На самом деле, нам *** [конец] скорее всего, — усмехается его товарищ чуть постарше. — «Но *** [черт возьми] может, выживем?» Они сидят на каменных обломках, прижавшись спиной к кирпичной стене. Недалеко слышны выстрелы.

В конце ноября 20-секундное видео с этими бойцами появилось в Z-каналах и пабликах. «Два поклонника киевского режима попали в окружение, о чём решили записать ролик», — гласили комментарии.

«Это Спартак, 100 процентов, никаких сомнений», — узнал Стас Курьянов своего брата-близнеца в бойце, который надеялся выжить. Спартак Курьянов — заключенный колонии строгого режима ИК-2 в Энгельсе Саратовской области. Ролик прислал Стасу представитель ЧВК «Вагнер». Ему также передали нательный крестик, две медали, грамоту от главы «ЛНР» Леонида Пасечника и свидетельство о смерти Спартака Курьянова, 1990 года рождения. Согласно документу, он погиб 23 октября 2022 года в Артёмовске (ДНР). В общем, под Бахмутом.

30 сентября прошлого года отбывающий наказание по статьям за грабеж и разбой Спартак Курьянов покинул колонию, хотя на свободу должен был выйти лишь 11 июля 2025 года. Вместе с другими завербованными зэками он отправился в аэропорт, а оттуда — в лагерь слаживания ЧВК.

Что могло толкнуть 32-летнего человека, которому оставалось сидеть менее трех лет, пойти воевать в Украину? И почему вербовке, а это уголовное преступление, не помешали контролирующие и надзорные органы, куда обратился его дядя-правозащитник?

«Пушечное мясо голимое»

«Там воевать вас не вербуют случайно? На 10-ке [в ИК-10] вроде были», — в 20-х числах сентября написал в телеграм Спартаку его дядя Пётр Курьянов, эксперт Фонда «В защиту прав заключенных», до которого дошла информация о появлении в колониях Саратовской области вагнеровских эмиссаров. «А что, это реально такая херня?» — вопросом на вопрос ответил Спартак. Когда Пётр сообщил, что на фронт уже отправили кучу заключенных, его племянник проявил интерес, спросив, что там на самом деле. «Пушечное мясо голимое», — отозвался Пётр. Но Спартака его слова не убедили — он не поверил, что шансов выжить нет.

В ИК-2, зоне на окраине Энгельса, Спартак отбывал 6-летний срок. В июле 2019 года Энгельский районный суд признал Курьянова виновным в грабеже и разбое (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162 УК РФ). Как следует из приговора, ночью 14 декабря 2018 года Спартак напал на женщину и нанёс ей несколько ударов кулаком по голове, попытался отобрать у нее телефон стоимостью 500 рублей, а когда это не удалось, совершил разбойное нападение на другую женщину, отобрал у нее смартфон стоимостью 1500 рублей, также применив насилие. Обвиняемый хотел похитить и ее сумку, но ему помешали.

За это Курьянов получил шесть лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Отягчающим обстоятельством стало наличие у него двух судимостей: еще будучи несовершеннолетним, он получил восемь месяцев условно по статье о мошенничестве, и еще до их истечения — 9,8 лет за убийство (по ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 112 УК РФ). Срок он отбывал в саратовской ИК-10

Татьяна Сметанина
специально для «Новой газеты Европа»

Кича пепла

Нелепая жизнь и нелепая смерть
зэка-вагнеровца Спартака Курьянова

Предоставлено автором

Награды Спартака Курьянова

строного режима. На свободу вышел в мае 2018 года. Успел завести страницу в социальной сети «Вконтакте», выложил несколько своих фоток — напряженное лицо, потухший взгляд. А в январе его уже задержали за разбой и грабеж.

Как «второхода» Спартака поместили в ИК-2 для неоднократно судимых. Эту колонию, единственную в СССР, решением партии и правительства наградили памятным рубиновым знаком «За трудовую доблесть». Знающие люди говорят, что ИК-2 не отличается ни особо строгим режимом (действует подпольное казино, налажены поставки наркотиков, выпивки, телефонов), ни справедливостью: достаточно зэку чем-то не понравится начальству, чтобы у возникли проблемы. Видимо, они у Спартака и возникли, так как последние года два он сидел в помещении камерного типа в ПФРСИ — следственного изолятора внутри колонии.

«Я еду в одну сторону»

Пётр Курьянов регулярно общался с племянником по видеосвязи и видел обстановку в камере: общий стол и сидельцев вокруг него. О войне в Украине Спартак говорил неохотно, ссылаясь на то, что не разбирается. Он дал понять дяде, что разговоры на эту тему не одобряются. «Кем, администрацией?» — подкалывал его Пётр, хотя знал, что по неписанным правилам тюремного общепита обсуждать политические темы в камере не принято. По его словам, в споре можно обидеть человека, а завтра ворвется и всех изобьет ОМОН — и кто тогда подаст стакан воды?

В личной же переписке Пётр подкидывал племяннику видео с результатами бомбежек, материалы о последствиях санкций.

— Спартак соглашался, что экономически страна пошла в минус. Почему-то я был уверен, что он правильно понимает ситуацию и не опасался, что он поедет воевать, — говорит Пётр.

Забросив Спартаку вопрос о вербовке, он хотел лишь узнать, как в «двойке» приняли посланцев ЧВК. Ему было известно, что в одних колониях тех посылали, в других записывались. Поэтому, когда Спартак не поверил, что на фронте зэков ждет участь «пушечного мяса», Пётр насторожился. Он переслал ему опубликованное в украинском телеграм-канале видео с допросом пленного вагнеровца из заключенных. «Вот еще шанс», — прокомментировал он со смайликом, намекая на плен. «Ну тогда я еду», — тут же написал Спартак без зна-

“
Спартак не поверил,
что на фронте
зэков ждет участь
«пушечного мяса», что
шансов выжить нет
”

ков препинания, и было непонятно, шутит он или настроен всерьез. О намерениях племянника Курьянов-старший догадался, когда в ответ на реплику, что сейчас в плен уже так просто не свалишь, Спартак отреагировал однозначно: «А я и не собираюсь, я еду в одну сторону».

Нечто похожее звучало и в «мотивационных» речах бизнесмена Евгения Пригожина, которые основатель ЧВК «Вагнер» произносил перед зэками. Он как раз говорил, что для тех, кто поедет с вагнеровцами, обратной дороги уже нет — в зону не вернется никто. На слуху были и озвученные им требования к кадрам: «В первую очередь интересуют убийцы и разбойники». Спартак подходил по обоим статьям. Вскоре источник Петра Курьянова в ИК-2 сообщил, что его племянник, похоже, готовится к отправке.

Преступление по согласию

«А не может быть так, что он сам согласился?» — предположила секретарь Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Саратовской области, когда Курьянов сообщил ей, что племянника в ближайшие два-три дня незаконно этапируют из ИК-2 в район боевых действий силами некой ЧВК и попросил взять эту ситуацию под контроль (запись разговора имеется в распоряжении редакции). «Согласился на что? На совершение уголовного преступления?» — в свою очередь спросил ее Пётр. Видимо, секретарь ОНК, назвавшаяся Кристиной Николаевной, была не в курсе, что вербовка является уголовным преступлением (статья 359 УК РФ, срок от 4 до 8 лет), как и участие в вооруженном конфликте в качестве наемника — от 3 до 7 лет.

Женщина сослалась на многочисленное видео в телеграме, когда в местах лишения свободы при вербовке людям рассказывали о последствиях решения. «Не могут же его отправить против воли?» — спросила Кристина Николаевна. Она не уточнила, при чем здесь чье-то согласие, если речь идет о готовящемся преступлении. О подобных случаях информированного согласия, когда вербовали в присутствии прокурора и под видеозапись спрашивали сидельцев «желаете/не желаете», сообщала также «Русь Сидящая».

В тот день, 26 сентября, Пётр Курьянов направил заявление о совершаемом на территории ИК-2 тяжком преступлении еще в два адреса, помимо ОНК: в саму колонию и в Главное управление ФСИН РФ по Саратовской области. В обоих заявлениях он просил привлечь к уголовной ответственности сотрудников ИК-2, «которые в нарушение действующего законодательства с явным превышением должностных полномочий осуществляют подготовку к незаконному этапированию силами ЧВК «Вагнер» содержащегося в помещении камерного

Спартак Курьянов. 2018 год

типа ФКУ ИК-2 <...> осужденного Курьянова Спартака Андреевича, 09.02.1990 года рождения, в район боевых действий с незаконным вручением осужденному Курьянову боевого огнестрельного оружия».

Одновременно в прокуратуру области был направлен запрос от СМИ — газеты региональных правозащитных организаций «За права человека». Не надеясь на оперативную реакцию правоохранительных органов и «общественных контролеров» из ОНК, Пётр попросил знакомого адвоката навестить племянника в колонии, чтобы «в случае чего» тот непосредственно на месте воспрепятствовал бы его отправке.

Ответ от врио начальника колонии придет через две недели после похорон Спартака. Остальные так и не ответили.

До отправки в Украину

— Не было у него проблем со здоровьем, иначе бы его не взяли на войну. В ОТБ-1 (скандально известная саратовская областная туберкулезная больница УФСИН. — Прим. авт.) его посылали якобы на какие-то диагностические исследования, — говорит адвокат Александр Калабин.

По словам защитника, в эту больницу его подопечного возили примерно за пару месяцев до отъезда в ЧВК. Эта «больница» прогремела на весь мир в октябре 2021 года, когда медиа начали публиковать оперативную съемку с пытками и изнасилованиями из «архива ФСИН», вывезенного из России бывшим заключенным ОТБ-1 Сергеем Савельевым. И хотя с того времени на сотрудников учреждения и их подручных возбуждали уже полтора десятка уголовных дел, а бывшего начальника арестовали, подозрительные смерти в больнице не прекращались: в августе там снова покончил с собой заключенный.

Отправку Спартака в ОТБ его адвокат считает актом запугивания, хотя причина ему неизвестна. По возвращении

из больницы Курьянова-младшего снова поместили в ПФРСИ, в камеру. «Камера на 6–8 человек, после побудки и до отбоя шконки пристегнуты, лежать нельзя. Раз в сутки их выводили на прогулку во внутренний дворик, три на четыре метра, раз в неделю — в душевую на этаже. Всё остальное время они сидели в «каменном мешке» — так условия содержания в следственном изоляторе описал дядя Спартака Пётр.

— Когда на протяжении почти двух лет не видишь белого света, то у любого нормального человека начинает подтекать крыша, — говорит Александр Калабин, который рос со Спартаком в одном дворе.

Адвокат регулярно навещал его в колонии. Не ради УДО, а для решения вопросов, связанных с нарушением Уголовно-исполнительного кодекса РФ в части условий содержания. Например, когда, по словам Калабина, не принесли ужин или выдавали грязное, завшивленное бельё.

По просьбе Петра Курьянова 28 сентября Калабин отправился в колонию. Он получил ордер, а потом долго ждал, когда ему выпишут пропуск. Через несколько часов его привели в комнату адвокатов, разделенную сплошной перегородкой из оргстекла. Чтобы можно было общаться, в стекле были просверлены отверстия. «Размером, как от сверла на 10», — уточняет Александр. На стене у него за спиной вела запись видеокamera, в окошко двери за встречей наблюдал сотрудник. Конфиденциально поговорить в такой обстановке было нереально.

«Никуда не собираюсь! Я не знаю, откуда Пётр это взял», — отвечал Спартак на вопросы о вербовке в наемники. По словам адвоката, выглядел тот как обычно, был одет по уставу — на нем была лагерная роба с биркой, кепка. «Он был абсолютно спокоен, пытался вести себя естественно, как будто ничего не произошло», — вспоминает Александр Калабин.

Выйдя из колонии, он позвонил Петру и рассказал о разговоре. Через два дня Калабин позвонил ему снова: «Петь, они едут в сторону войны». Об этом ему уже с дороги сообщил другой его доверитель из ИК-2, также завербованный вагнеровцами.

Так вышло, что последние два года они не общались. И вдруг в конце сентября Спартак позвонил и сообщил, что едет воевать.

— Сначала сказал, что его все бросили и что он никому не нужен. А потом: «А что я в своей жизни сделал? Родителей позорил, тебя позорил, племянников позорил... А так хоть как-то отмоюсь», — передает Стас объяснение брата.

Разговор длился секунд 20, не больше, поэтому они лишь успели попросить друга у друга прощения и попрощаться. После этого они не общались.

Сколько эков летели вместе с ним на фронт, Спартак не сказал. Точно известно, что в том же «призыве» был еще один сиделец из ИК-2 — клиент адвоката Александра Калабина. По его словам, тот проиграл в тюремном казино при колонии полмиллиона, мать заплатила долг, он решил отправиться на фронт, чтобы заработать и вернуть эти деньги.

«Без вашей воинской херни похороним»

Очевидно, Спартак и его спутник были среди тех 10 тысяч заключенных, на которых сократилась численность колоний в сентябре — с 348 до 338 тысяч человек. По подсчетам «Медиазоны», изучившей данные ФСИН, на фоне вербовки в ЧВК «Вагнер» суммарно в сентябре и октябре из колоний «пропало» более 23 тысяч сидельцев-мужчин.

В следующий раз о брате Стас услышал в первой половине ноября. Он был на работе, когда ему позвонил человек из ЧВК «Вагнер» и сообщил, что Спартак погиб, подорвался на mine. Сомнений в его смерти у них не было, так как погиб он на глазах у людей. В свидетельстве о смерти, выданном 10 ноября в Ростове-на-Дону, были указаны дата и место — 23 октября, Артёмовск, ДНР. При этом почему-то в грамоте от главы «ЛНР» Леонида Пасечника говорилось, что «Курьянов Спартак Андреевич погиб за свободу и независимость Луганской Народной Республики».

Документы Спартака, награды (медаль ЧВК на зеленой ленте и медаль «За отвагу») и «компенсацию» Стасу Курьянову передали при встрече представители «Вагнера». Они пересеклись в Самаре, в номере гостиницы. По их разговору и отсутствию видимых наколок у Стаса сложилось впечатление, что они не из эков.

Тело Спартака должны были доставить на родину в Энгельс, где похоронены его родители. Но процесс затянулся. «Ожидайте!» — отвечали в ЧВК на вопросы семьи. Задержку объяснили проблемами с «Аэрофлотом». В какой-то момент представитель ЧВК предложил похоронить Спартака на кладбище в Самаре — с воинскими почестями на Аллее героев. Семья отказалась.

— Я им говорю: «Нет, ребята, лучше сюда». Мы его и без вашей воинской херни похороним! По-нормальному, — вспоминает тот разговор Стас.

Из-за сложностей с доставкой тела Спартака Курьянова похоронили лишь под самый Новый год. Возле родителей. В последний путь его провожали только родные и знакомые.

Через две недели после похорон, 12 января, Петру Курьянову пришел из ИК-2 ответ на его сентябрьский запрос: «Сообщаем, что в соответствии с Федеральным законом РФ от 14.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» информация не предоставляется», — написал врио начальника колонии А. А. Симонов. Ответов из областного УФСИН, облпрокуратуры и ОНК по состоянию на начало февраля Пётр Курьянов не получил.

Солдат удачи с неважным зрением

— В тире я любил стрелять, а он не умел. Да какое ему стрелять, он слепой, в очках ходил! — характеризует «военные навыки» Спартака его брат Стас Курьянов.

По его словам, в школе на уроках НВП он стрелял за них обоих: проверить это двойняшкам было нетрудно. Очки же Спартак носил недолго — выбросил их, а родителями сказал, что потерял.

— Зато физическая подготовка была у него на высоте. Я стрелял хорошо, а он дрался еще лучше, чем я стрелял, — говорит Стас.

О других талантах Спартака, которые могли бы пригодиться на войне, неизвестно: в армии он не служил и даже не был военнообязанным.

— Откуда ж у него навыки? Он в 18 лет сел, в 28 вышел. Год погулял и опять заехал, — сетует Стас.

Часть I.

В дыму

С Караульной горы города почти не видно, хотя он лежит у ее подножия. Смог забрал Красноярск, наполнив его улицы запахом гари и закрыв небо. Здесь это бывает часто — до 70 дней в году. Ветра нет, пелена не рассеивается. Горожане называют это «режимом черного неба».

«Черное небо» создают промышленные предприятия и три угольных ТЭЦ, которые отапливают Красноярск. К их выбросам примешивается дым от печных труб: частный сектор здесь большой и почти весь отапливается дровами.

Смог опасен: он поражает слизистую и органы дыхания, до 5% смертей от рака легких связаны с его воздействием. Но смог приносит деньги: в Красноярском крае сильное угольное лобби — здесь работает СУЭК с его оборотами почти 10 миллиардов долларов в год, да и сын губернатора Артем Усс владеет угольным разрезом.

Переход на газ мог бы решить проблему «черного неба». Но в 2021 году «Газпром» опубликовал карту с пятилетним планом газификации регионов. Красноярский край — гигантский, растянувшийся с севера на юг на 3000 километров — оказался на ней белым пятном: ни одного газопровода строить в регионе с населением 2,8 млн человек даже не планировали. И это при том, что край занимает второе в стране место по запасам газа — после Тюменской области.

А еще он — лишь на 32-м месте по уровню доходов населения. Около 16% жителей края — за чертой бедности. И в холодную зиму 2023 года многим из них оказалось просто не на что купить дрова.

На помощь им решил прийти региональный телеканал ТВК: журналисты запустили карту, на которой любой нуждающийся может оставить свой адрес и телефон, а неравнодушные люди — могут помочь ему, заказав дрова. Сейчас на карте — более ста заявок. Двум десяткам человек удалось помочь.

— Мы думали, что люди будут стесняться просить о помощи. Но выяснилось, что им уже не до стеснения, — говорит руководитель ТВК Мария Бухтуева.

Сообщения с карты «Подари дрова»: «Инвалид второй группы, плохо хожу. Заканчиваются дрова, осталось на пару дней. Денег не хватает, купить дров не могу. Я в безвыходном положении, живу в маленькой избушке».

«Живу одна, вынуждена топить углем, денег на дрова нет, дочь прикована к постели, пенсия маленькая».

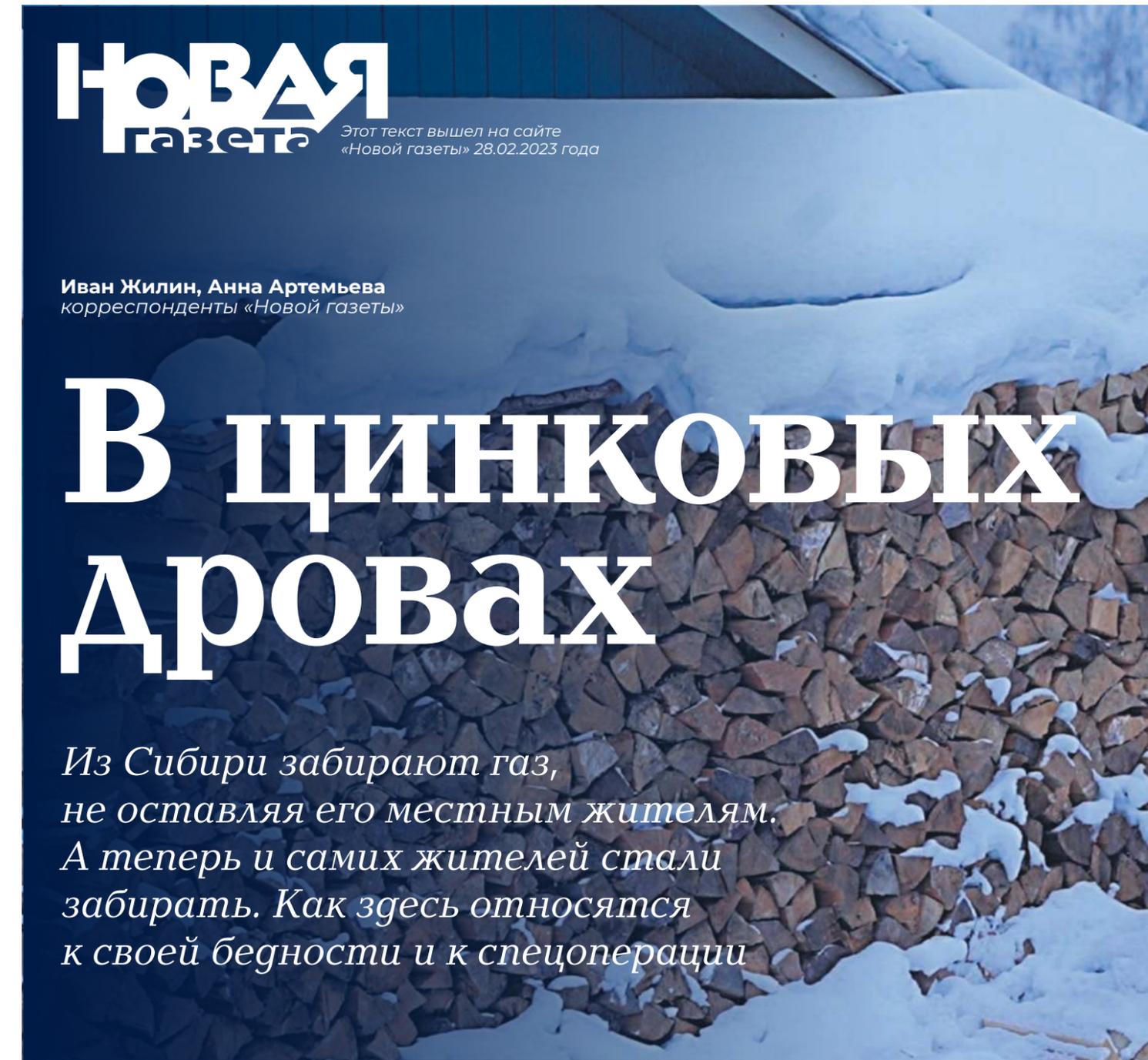
«Сплю из-за холода в одежде».

Среди нуждающихся — инвалиды, пенсионеры, матери-одиночки и... семьи мобилизованных. Почему-то в стране, обещающей всестороннюю помощь уходящим на передовую, близкие военных оказались обездоленными.

«В яму летим»

Но к Оксане, матери двоих детей, мы идем, еще не думая о теме частичной мобилизации. Она живет в двухэтажном деревянном бараке недалеко от центра города. Снимает, мягко говоря, скромную трехкомнатную квартиру. Тусклый свет, старые деревянные двери, покосившийся кухонный гарнитур, теплый от печки воздух, но ледяные полы. При этом очевидно, что семья благополучная и о детях здесь заботятся. Просто бедность довлеет.

Оксане повезло: ей подарили дрова по акции ТВК — незнакомка из Перми заказала их прямо под Новый год. 31 декабря привезли.

НОВАЯ
ГАЗЕТА

Этот текст вышел на сайте
«Новой газеты» 28.02.2023 года

Иван Жилин, Анна Артемьева
корреспонденты «Новой газеты»

В ЦИНКОВЫХ ДРОВАХ

Из Сибири забирают газ, не оставляя его местным жителям. А теперь и самих жителей стали забирать. Как здесь относятся к своей бедности и к спецоперации

Дисклеймер

Этот материал задумывался как репортаж о парадоксе: в Сибири находится 88% российских запасов природного газа, но именно Сибирь — самый негазифицированный макрорегион страны, доступ к газу здесь имеют лишь 16,8% домохозяйств. Газопровод с громким и разрекламированным названием «Сила Сибири» перекачивает газ в Китай, а люди, живущие в непосредственной близости от него, до сих пор вынуждены топить дровами.

На фоне санкций власти России заявили о намерении активно развивать внутренний рынок поставок, и мы ехали в Красноярский край и Иркутскую область, чтобы узнать: ждут ли местные жители газификации?

Однако на месте выяснилось: больше всего сибиряки ждут не газ. Они ждут домой родных, мобилизованных в Украину. Зимой 2023 года оказалось невозможным избежать темы спецоперации. Она преследовала нас сама: родственники мобилизованных оказывались в списках нуждающихся в дровах, а местные чиновники — активно рассказывали, как помогают семьям отправившихся на передовую.

Эта история — о пока не дошедшем до Сибири газе, но уже дошедшем сюда горе. О том, как люди живут в холодных домах, зачастую не имея возможности купить дров.

— «Газели» на четыре куба березовых дров хватило на месяц, — рассказывает женщина. — А стоит такая машина 12 000 рублей. Я работаю поваром, зарплата — около 25 000.

Отдавать половину зарплаты на отопление — тяжело. Но про газификацию Оксана и не слышала.

— Нет здесь у нас таких разговоров. Никогда о таких планах нам [власти] не говорили, — качает она головой. — Конечно, газ нужен, чтоб им отапливаться — это и дешевле было бы. Почему нет?

Но что газ проведут, и что жить вообще станет легче, женщина не верит.

— С каждым годом становится все хуже и все тяжелее. И будет хуже, — заключает она. — Все стало дороже за прошедший год. Не знаю, связано это с *** или еще с чем. Идешь в магазин, совсем немного купишь — тысячи рублей нет. Каждый раз идешь — тысячи рублей нет. А ведь хочется еще нормально одеваться, обуваться, жить в нормальной квартире. Иногда сядешь, задумаешься: как дальше? Перспектива где? Мы же в яму летим. И это не только я так думаю — сколько с людьми общаюсь, все говорят, что становится хуже. Зато Украина у нас на первом месте...

«Украина» дошла до красноярских улиц быстрее не только газа, но и хорошего асфальта, быстрее детских площадок и капитального ремонта домов. И Оксану она взволновала больше, чем бытовая неустроенность. Неудивительно — старший сын скоро заканчивает школу.

— Я не знаю, что с этим делать... Я его туда не отпущу... Я не для того рашу детей, чтобы их кому-то отдавать на растерзание, — говорит она.

И признается, что люди вокруг пытаются делать вид, что не замечают происходящего.

Анна Артемьева

Оксана с сыном

Скриншот из фильма «Дрова за мобилизованных»

— Все относится так: «Лишь бы нас не коснулось. Будь что будет, лишь бы нас не коснулось». Каждый переживает за себя. Но это ненормально. Так не должно быть. Просто многие очерствели с этой жизнью.

Так тема Украины прозвучала в этой командировке впервые — вытекла страхом за ребенка. И ни один человек, с которым мы говорили далее, не считал возможным об этой теме не сказать.

«Победим — и будет газ»

Пенсионерка Ольга Васильевна переехала в Красноярск из Тулуна три года назад, после наводнения. Купила на выданную компенсацию, 2 миллиона рублей, ветхий домик в микрорайоне Покровка.

Наводнение в Тулуне и других населенных пунктах юго-запада Иркутской области в 2019 году унесло жизни 26 человек, и женщина говорит о нем коротко: «Страшно, очень страшно». Вспоминает об одной из погибших соседок.

Сама Ольга Васильевна эвакуировалась, но и на новом месте жизнь оказалась непростой.

— У меня пенсия — 10 000 с копейками. Два куба пиленных досок (самого дешевого вида дров. — И. Ж.) стоят 4000 рублей. И температура дома всегда — 14–15 °С. Потому что я экономлю. Все время хожу в валенках и теплом халате. Если бы кто подарил мне дрова, я бы Путину в Москву позвонила, сказала бы, что спасли меня.

Она показывает свой полупустой дровяник, в котором в два ряда сложен тонкий сосновый горбыль.

— Надеюсь, на два месяца еще хватит дровишек моих... Буду поменьше топить. Дотяну

до весны как-нибудь, — говорит она с действительно неподдельной надеждой. А о газе замечает, что вряд ли ее дом когда-то подключат, но вообще газификация Красноярскому краю нужна. — Если бы начальство сгруппировалось и сказало бы: «Переводим на газ дома, машины...» — то и воздух чище был бы. Но там многие не хотят. Перестали работать люди, которые важные. У нас Сибирь богатая, и можно бы уже дровами не топиться, — и вдруг пенсионерка переходит на международную политику. — У нас здесь лес, золото... Так что мы Сибирь не отдадим ни Америке, никому. Будем сами за нее держаться.

В доме фоном работает телевизор (а вообще их у Ольги Васильевны два — в каждой комнате), и идущие по нему новости сами переключают женщину на украинскую тему.

— Я тысячу рублей военным перевела. И зять перевел. Да все переводили, чтобы они закупили дроны и одежду, — в глазах пенсионерки появляется огонек. — К лету победим — вот увидите! — восклицает она. — И тогда у нас будет и газ, и свет будет дешевле.

И внезапно вновь возвращается к своим проблемам.

— Я вечером включаю фонарики, чтобы не тратить электричество. Экономлю и электричество, и дрова. Хожу в трех теплых носках. Если морозы будут — еще одни поищу. Курочка, кофе, хлебешек есть — нормально мы живем, — убеждает она, сидя у печки с джигающим горбылем. — Может, вас покормить?

«Встаю — и к военкомату иду»

На карте «Подари дрова» — адрес Натальи, мамы мобилизованного. Когда мы звоним ей, она сразу говорит: «Вы ведь не

сможете мне помочь». Но от встречи не отказывается.

Село Казачинское — районный центр в 190 километрах от Красноярска. Наталья живет в двухквартирном деревянном доме. И ее дровяник — просто пустой. Лишь щепка разбросана по полу. Ее женщина и собирает, чтобы согреть дом. Благо, на улице «все-го» -16 °С.

— У меня работы нет сейчас, и с трудовой книжкой проблема, из-за чего пособие оформить не могу. С деньгами сложно, — говорит она. — Раньше по хозяйству сын помогал. А в сентябре его забрали.

Денису 21 год, его мобилизовали 30 сентября.

— Он только в прошлом году вернулся со срочной службы, и сразу же — под [частичную] мобилизацию попал, — рассказывает женщина. — Мыслей откосить у него не было, — говорит она, давая понять, что в селе так делать не принято. — Но на *** не рвался. А кто туда рвется? Не хотел он туда. Мы с ним говорили об этом, он сказал: «Мне *** [нахрен] не нужны эти сто тысяч [рублей]». Но [из военкомата] позвонили... и все.

Население Казачинского района — девять тысяч человек. В Украину мобилизовали 30 из них, в основном из райцентра: остальные села здесь маленькие — нередко меньше ста жителей, и без молодежи. Казалось бы, забрали меньше того самого 1%, но что такое три десятка мужчин для Казачинского? В райцентре живет 3604 человека, из них — 1050 пенсионеров и 973 ребенка. Из оставшихся 1581 жителя мужчин, которые потенциально могут подпасть под мобилизацию (то есть в возрасте до 55 лет) — 871, а молодых мужчин до 35 лет, призываемых в приоритетном порядке, — 387.

Соотношение количества призванных с количеством молодежи посчитать не трудно. А забирали, по словам Натальи и ее подруги Светланы, в основном молодых.

Анна Артемьева

Наталья

Светлана сейчас старается поддерживать Наталью как может: в том числе — дровами.

— Мы из одного села приехали в Казачинское. Ну как я ее брошу? Конечно, привожу дрова периодически, — говорит женщина. — Когда Денис уходил в армию, они почему-то с банковской карточкой не разобрались, в итоге Наташа и за него не получает [деньги]. Тяжело ей.

Но хуже отсутствия денег и дров — отсутствие новостей о сыне.

— 11 января Денис последний раз выходил на связь, — Наталья задумчиво смотрит в окно. — Немного совсем мы поговорили. Обычно он рассказывает, что все у него хорошо. У него всегда все хорошо. А тут сказал, что в самой жопе они, — она плачет. — И больше не было звонков.

В местном военкомате о том, все ли в порядке с Денисом, матери не говорят. Вежливо посылают: «Ждите». В сельской администрации и Казачинском лесхозе примерно так же посылают, когда она спрашивает о дровах: «Не положено». Хотя в иных районах Красноярского края семьям мобилизованных с дровами все-таки помогают.

По словам главы Казачинского сельсовета Александра Козлова, обеспечение дровами — за пределами его полномочий.

— Мы не готовим дрова, не выписываем дрова. У нас нет такой статьи расходов, — объясняет он. — Она [Наталья] должна подать документы в лесхоз о том, что нуждается и имеет право...

— Она говорит, что ей отказали.

— Ну не должны были, — теряется чиновник. — По крайней мере, глава лесхоза говорил у нас на планерке в районе, что на уровне министра лесного хозяйства [Красноярского края] стоит вопрос, чтобы те лесозаготовители, которые занимаются дровами, привозили дрова, а им потом выплачивалась компенсация из краевого бюджета. А потом, — он опять сбивается. — Сейчас уже ситуация маленько в другую сторону ушла — что никакой заготовитель на дальнее расстояние дрова не повезет. Решаем сейчас вопрос, как их заготовить. Если сейчас у нее прямо нету ни одной палки, то, естественно, мы будем договариваться с каким-то лесозаготовителем, чтобы на спонсорские деньги он привез ей дрова. Но только на спонсорские деньги. Чтобы этот лесозаготовитель взял на себя бремя... Просто если сельсовет приобретет дрова, то Счетная палата меня повесит, обует и все остальное.

— А другие семьи мобилизованных дровами обеспечены?

— Ну такая же ситуация. Даже сложно сказать, на какие деньги хоронить... нам Счетная палата запрещает хоронить. Вот так... Вроде бы защищают они, выполняют боевую задачу, но на уровне края не могут этот вопрос пока решить. То есть хоронить-то мы хороним, а теперь лысину чешем, на какие это деньги. Потому что захоронение — это тоже вне полномочий сельсоветов. То есть идем фактически на нарушение. Ну и со спонсорами договариваемся.

Стоит сказать, что свое слово глава сельсовета сдержал: через два дня после нашего разговора дрова Наталье привезли.

На вопрос о газификации мама мобилизованного отвечает коротко: «Ну о чем вы говорите? Конечно, это было бы хорошо. И дешевле было бы». И вновь переключается на сына.

— Я новости стараюсь не смотреть теперь. Раньше казалось, что умер человек и умер, а когда *** началась, у меня слезы сами наворачиваться стали. Очень тяжело смотреть на погибших. Я думаю, что никогда эта *** не закончится, не закончится она уже... Ну почему эти все (видимо, речь идет о политиках. — И. Ж.) сидят, жопу прижав, почему ребятишек забрали наших молодых? Он только с армии пришел, пускай бы маленько отдохнул — нет... Только у него жизнь началась. И прятаться никак, и... ужасно это, ужасно. Говорили вроде бы, что отпуск у них будет, прихожу в военкомат, мне отвечают: «Нет, никакого отпуска». Убьют, убьют, убью-ют... Я ему сколько раз говорила: «Не лезь туда». Он говорит: «Это не от меня зависит». Пускай бы хоть пожил маленько...

Наталья признается, что почти не спит: «Только подремлю маленько, встаю и к военкомату иду... Нету у меня ненависти к Украине... Я новости не смотрю, и нет у меня агрессии. Сегодня ведь так говорят, потом — по-другому. Не снятся мне сны, потому что я не сплю».

◀ Начало

Часть II.

Топка

В соседней с Красноярским краем Иркутской области обеспечение семей мобилизованных дровами возведено в масштабную PR-компанию, которая порой доходит до абсурда. По пути в поселок Магистральный Казачинско-Ленского района читаем местную газету «Киренга»:

«В селе Казачинское во второй половине октября были выполнены три заявки по заготовке дров. Сельская администрация и отдел по молодежной политике договорились с частным лицом на распиловку горбыля для семьи мобилизованного по улице Рабочая. Старшие ребята под руководством тренера И.С. Непряхина рассортировали и сложили горбыль по улице Коммунистическая. А организовал подвоз твердого топлива депутат районной Думы В.А. Бацко. Мужчины районной администрации, при горячем одобрении мэра С.В. Швецова, распилили горбыль по улице Партизанская».

При горячем одобрении мэра...

В Иркутской области начинается знаменитый газопровод «Сила Сибири», перекачивающий голубое топливо в Китай. Сам регион газифицирован при этом на 1%. А мобилизовано здесь, по словам военкома Усть-Илимска, около пяти тысяч человек.

«Есть проблемы, связанные со спецоперацией»

Магистральный — рабочий поселок на 888-м километре БАМа. История его не так печальна, как, например, первой станции Байкало-Амурской магистрали Тайшета, которую при Сталине строили заключенные. Магистральный в 1970-е возводили комсомольцы и военные. Три десятка многоквартирных домов и большой частный сектор.

В отличие от многих поселков БАМа, находящихся в упадке, у Магистрального — хорошие перспективы: рядом находится Ковыктинское месторождение природного газа, и у людей здесь есть возможность заработать. Хотя в самом поселке газа, разумеется, нет. Как и в райцентре, селе Казачинском. Как и в принципе в Казачинско-Ленском районе.

— Развитие инфраструктуры, в том числе обеспечение людей голубым топливом, идет в рамках исполнения поручений президента, — объясняет заммэра района Алексей Коротнев. — В этом году будет завершена разработка проектной документации, а в следующем — начнется строительство газопроводной сети. Сначала газом будут обеспечены соцобъекты, районная больница, а затем — если все пойдет по плану — и жилые дома. Сейчас остро стоит вопрос цены: у нас дешевое электричество, и отапливаться за счет него выгодно, а газ у нас дорогой. По опыту Братска: газ стоит 2,5 рубля за кубометр, а электричество — 1,5 рубля. Насколько я понимаю, будут предусмотрены какие-то субсидии, которые сделают цену на газ примерно равной цене электричества.

Другой собеседник в районной администрации также заявил, что газ местным жителям планируется продавать по сниженной цене, но отметил, что в этом и опасность.

— Нужно понимать, что «Газпром» — это коммерческая компания, задача которой — зарабатывать деньги. Сегодня нам дают субсидию, завтра ее заберут, и население будет отапливаться втридорога. Тем не менее, конечно же, в рамках поручения президента мы над газификацией работаем.

За счет электричества отапливаются в поселке лишь многоквартирные дома и объекты социальной инфраструктуры. А большинство жителей — топят печки.

Анна Артемьева

О гибели мужа Ксения узнала после звонка сестры Алексея

— У нас есть перечень лиц, которым мы помогаем дровами, — говорит заммэра Коротнев. — В том числе семьи ребят, которые отправились на СВО. Им помогает и администрация, и ребята из волонтерских движений. Раньше, конечно, проще было: были пионерские организации. Но и сейчас, смотрю, что-то такое возрождается. И это хорошо.

«Пионерские организации», о которых чиновник ведет речь, — это военно-патриотические клубы, которые в Казачинско-Ленском районе действуют, кажется, в каждом населенном пункте. В них занимаются школьники: учатся стрельбе и семьям мобилизованных помогают.

— Да, у нас есть проблемы, связанные со спецоперацией, — заммэра района неожиданно плотно переходит на эту тему. — Вот скоро будут похороны... вторые. И есть раненые. Ну это ***, чего. Это ***. Меня самого призовут — пойду. И супруга моя знает: призовут — встану и пойду. Да, понятно: детей жалко. Ну, блин, ничего не сделаешь. Обидно за кучу офицеров, которые поувольнялись из армии. Им бы сейчас навыки проявлять, а они уволились. Вы просто не отслеживаете, а я знаю, что в последние два-три года офицеры массово увольнялись «по болезням». И призвать их теперь нельзя — они же «больные». Мы с района не смогли офицеров набрать. Уходить начали, когда все это начиналось...

— Но спецоперация началась год назад, а вы говорите про два-три года.

— Ну это официально год назад, а неофициально — в 2014 году. Ну ребят, мы же люди взрослые. О чем мы говорим? Мы же видим, что ситуация нелегкая. Я — за. Если скажут, что нужен, — встану и пойду. Я снайпер сам. Но меня не призовут, потому что мне за 50. Но надеюсь, что все закончится свержением власти в Украине и назначением тех, кто будет с пониманием относиться к Российской Федерации. Потому что, в конце концов, что такое Украина? Это государство? А когда оно появилось? Киевская Русь? А что первое — «Киевская» или «Русь»?

О газе чиновник проговорил 15 минут, а об Украине — 20.

Солдат из «Транснефти»

А следом сотрудники администрации повезли нас к маме мобилизованного, которой сами распилили дрова.

Любовь работает в школьной библиотеке. Ее сына забрали 28 сентября. А ведь он — оператор перекачивающей станции в «Транснефти» — системообразующей компании, сотрудникам которой полагается броня.

— С этими бронями... все сыграл человеческий фактор, — говорит женщина. — Сын приходил домой и говорил: «Меня не мобилизуют, я работаю на стратегически важном объекте». А в результате на работе не подали на них документы. Когда хватились — уже два человека с этой компании мобилизовали. На остальных в срочном порядке делали брони. И пока они делали, сына уже записали в часть. А раз в часть записали — уже никуда. Начальник сказал ему: «Служи. Место за тобой будет. Сильно никуда [не лезь]».

Сейчас сын Любове находится под Луганском. На связь выходит нечасто, но говорит, что с ним все хорошо.

— Он, правда, такой человек, у которого все всегда хорошо, — рассказывает

библиотекарь. — Когда парни уходили, они, конечно, все были в шоке. Но мой переживал за мобилизованного друга больше. А про себя вообще молчу: первые два месяца все звонила-вызывала, надеялась попасть хоть на начальство, чтобы поговорить. Но меня все поотшивали — не дозвонилась я никуда. Потом когда выяснила, что брони уже не будет, — смирилась. Он не на передовой пока и надеюсь, что где-то там и отсидится.

Любовь говорит, что не понимает, зачем нужна была частичная мобилизация.

— Есть ведь люди подготовленные, а у него автомата даже не было в армии. Он водителем был. Да и добровольцев вроде много идет. Надеюсь, конечно, что все это скоро закончится. Ну сейчас пройдет все с этим Артемовском, а дальше уже укреплений серьезных нет, дальше легче будет... Ну что это может ускорить? Ну, наверное, если в Америке Байден уйдет в отставку. Сейчас учебники по истории новые будут — очень мне интересно, что там про Байдена напишут.

При этом Любовь считает, что и когда спецоперация закончится, быстро сына домой не отпустят.

— Во-первых, страна все-таки вложила в мобилизованных. Во-вторых, он ведь водитель,

Анна Артемьева

Любовь

Дровах

Алена с дочерью

а водители нужны будут при разборе завалов городов... Хотя сейчас строят быстро — смотрю, Мариуполь показывают: там город-то уже нормальный, уже люди заселяются.

Любовь признается, что до частичной мобилизации происходящее в Украине жителей Казачинско-Ленского района, находящегося в 5900 километрах от линии соприкосновения, никак не касалось.

— Да и сейчас ведь идет нормальная жизнь. Некоторые даже новости не смотрят, и у меня спрашивают: «Ну чего там, как?» А я читаю везде и смотрю. Телевизору все-таки больше верится, потому что в интернете всякое пишут, а на телевидении хоть цензура какая-то есть.

Всего из Казачинского, по словам Любви, мобилизовали 27 мужчин в возрасте от 23 до 40 лет. В селе живут 2607 человек.

«Спасибо, что он живой»

А вот муж Алены скоро вернется домой. Потому что он ранен. Владислав попал вместе с другими мобилизованными из Магистрального под обстрел на донецком направлении. Пять осколков. Сейчас в госпитале.

Алена — из тех, кто поддерживает операцию и считает, что «Украина должна отдать все, что ей подарили». Она говорит, что и в поселке в целом происходящее в Украине тоже поддерживают. Но признается, что если мужа после выздоровления опять отправят на передовую, она этого не переживет.

— Очень сложно морально. Сложно ждать его. Ребенок, хоть и маленький, все ходит и говорит: «Папа, папа»... Конечно, больше всего хочется, чтобы скорее все это кончилось. Вся эта ***. И очень страшно, что все разовьется еще больше и дойдет в конце концов сюда... Нет, я не сомневаюсь в армии России. Просто непонятно, как Америка дальше будет действовать против нас.

Самым страшным моментом для Алены был звонок мужа, когда он сообщил, что мес-яц не будет на связи.

Терехов в Магистральном — человек-легенда. Он хромает, и многие считают, что это следствие боевого ранения, полученного в Чечне. Хотя сам он, усмехаясь, признается, что это не так: «Это со мной уже через пять лет после Чечни случилось. Да и в Чечне-то я был в 2001 году в командировке по линии УИС — не на передовой. И всего четыре месяца».

Сергей, конечно, патриот — в том смысле, в котором сегодня принято произносить это слово официально. Про конфликт в Украине говорит так:

— Ничего хорошего в этой *** нет. Но нам ясно дали понять, что если мы ничего не сделаем, то будет хуже. И мы сделали предупреждающий удар. Причем удар не на уничтожение, а просто с продвижением войск, захватом ключевых точек. Да, был провал в командовании, но надеюсь, этот опыт сейчас учитывается. Пока паркетных генералов не сменяют боевые — все происходит плохо.

Вот и к воспитанию детей Терехов подходит «патриотически». В день, когда мы приходим в «Сарму», школьники в камуфляже группами отрабатывают строевой шаг, метают ножи и стреляют из пневматических винтовок. А еще — тренируются выносить с поля боя тела убитых товарищей.

— Я считаю, что мы не даем им каких-то сверхъестественных нагрузок. У нас очень нормальная обстановка. Родители их отправляют к нам с удовольствием и, наоборот, говорят: «Вы там с ними построже». Строевая подготовка, выправка — они детей дисциплинируют, — объясняет Терехов. — Им в голову вбивается, что вы не Петя, Вася, Миша, а вы

Анна Артемьева

“

К 2027 году газификацию Иркутской области планируют довести с нынешнего 1% до 3,2%, а в целом по Сибирскому федеральному округу голубое топливо должно будет прийти в 140 населенных пунктов

”

— А потом через неделю звонок — с украинского номера. Это был час ночи, — вспоминает Алена. — Влад. Он сказал, что ранен и находится в госпитале. Ничего толком не объяснил. А я подумала только: «Спасибо, Господи, что он живой». Утром снова созвонились, и он сказал, что приедет.

Семье Владислава обещают и уже оказывают помощь: его предлагают направить в санаторий, а школьники из военно-патриотического центра «Сарма», в котором учился и сам Владислав, помогли Алене расколоть дрова.

— Без «Сармы» даже не знаю, что бы я делала. Они сами предложили мне помощь, сами накололи дрова... Конечно, много чего нужно еще по дому сделать: и крышу поменять, и веранду отремонтировать, но с этим можно как-то жить. Главное, что муж вернется.

Обретение индивидуальности

Сарма — это ветер, дующий в средней части Байкала. Шквалистый, достигающий ураганной скорости. А еще это военно-патриотический центр в Магистральном, расположенный в подвале здания местной администрации.

Уже восьмой год бывший сотрудник УИС (ныне это Федеральная служба исполнения наказаний) Сергей Терехов учит детей стрелять из винтовок, собирать автоматы и метать ножи. У него три десятка воспитанников, у троих из них — мобилизованы отцы.

— воинское подразделение, если кто-то будет плохо себя вести, то тень падет на всех. Это полезно для них. Они преодолевают себя, у них нет желания отступить. И через слияние с этой «массой зеленых человечков» они обретают свою индивидуальность.

Помимо прочего в день нашего приезда школьники из «Сармы» отрабатывали отдание воинских почестей — скоро им предстоит дежурить на похоронах первого погибшего мобилизованного из Магистрального.

«Все он в палатке сидел»

Ксении 29 лет. У нее двое детей. И она — вдова.

Именно к прощанию с ее супругом готовятся ребята из «Сармы».

— Мы с Алексеем начали встречаться со школы, мне было 17 лет, — вспоминает она с улыбкой. — Познакомились в магазине. Я зашла туда со своей сестрой, он — со своей. Потом, когда я в школе была, подошла его сестра и сказала: «Брат попросил твой номер телефона». Так и начали общаться. Я провожала его в армию, год ждала, потом встречала из армии. Потом дети у нас появились. Сейчас ему было бы 33 года...

Алексей, говорит Ксения, был веселым, душой компании. «Знакомых у него было много. Все его любили. Рыбалкой увлекался — всегда много рыбы приносил, мог несколько дней провести на реке». Работал стропальщиком на железной дороге.

— Когда частичная мобилизация началась, я ему сказала: «Смотри что объявили». Он

ответил: «Ну ладно, чего ты переживаешь?» Я говорю: «Ну ты же подпадешь под нее!» Он: «Да посмотрим...» О том, что ему позвонили из военкомата, он мне сначала не говорил. Только через два дня сказал, что 26 сентября нужно явиться. А 28-го его уже увезли из поселка — вместе с другими ребятами.

Когда мобилизованных отправляли из Магистрального, кто-то храбрился, а Алексей — плакал. Не хотел расставаться с семьей. Из воинской части сообщал, что к боевым действиям их не готовят.

— Говорил, что никакой подготовки не проводится. Сколько раз звонила — все он в палатке сидел. Пару раз походили на медицинские занятия, пару раз постреляли, а в основном — в палатке лежали, и все. Зато отправили его — в штурмовой отряд, — рассказывает Ксения. — А ведь для штурмовой бригады нужна особая подготовка. Вот и итог. Три парня еще в госпитале в Макеевке лежат. У меня там двоюродный брат лежит, у него перелом бедренной кости и рваная рана. Тоже мобилизованный. Его вообще с одной почкой забрали. Даже одному мужчине у нас, инвалиду-колясочнику, повестку отправили... Только когда он на коляске приехал, тогда отпустили.

О гибели мужа Ксения узнала после звонка сестры Алексея.

— Помню, что это было раннее утро. Телефон был на зарядке. Я спала. Вдруг ко мне подбегает дочь, говорит: «Тебе звонит тетя Наташа». Наташа сказала, что один из наших парней выложил пост о том, что ранен. И в этом посте говорилось: «Всем парням, кто погиб, — мы будем вас помнить». Я пишу Алене: «Влад звонил?» Она говорит: «Да». Я спрашиваю: «Что случилось?» Она: «Тебе позвонят». Потом дала мне номер Влада и попросила набрать ему.

Владислав рассказал, что незадолго до гибели Алексея мобилизованные вытаскивали раненых с поля боя.

— И «птички» [дроны] их долбить начали. Влад сознание потерял. А когда пришел в себя, спросил про Леху, и ему сказали, что Леха «двухсотый». Потом я позвонила еще одному человеку, и он сказал, что Леша подорвался. Что ему оторвало ногу и он умер от большой потери крови. Весь удар пришелся на него. Жил еще минут десять, и все эти десять минут рожки менял в автомате...

Тело Алексея с поля боя забрали на четвертый день. Детям о его смерти Ксения пока сказать не смогла.

***

...Программа помощи дровами семьям мобилизованных в Красноярском крае и Иркутской области ширится: закладываются бюджеты на 2023 год. И сообщений о доставленных и наколотых волонтерами дровах все больше. Такая помощь нужна, ведь с 2000 года топливная древесина, как сообщает профильное издание Forest Complex, выросла в цене в 22 раза, и не всем под силу топить печку за свой счет.

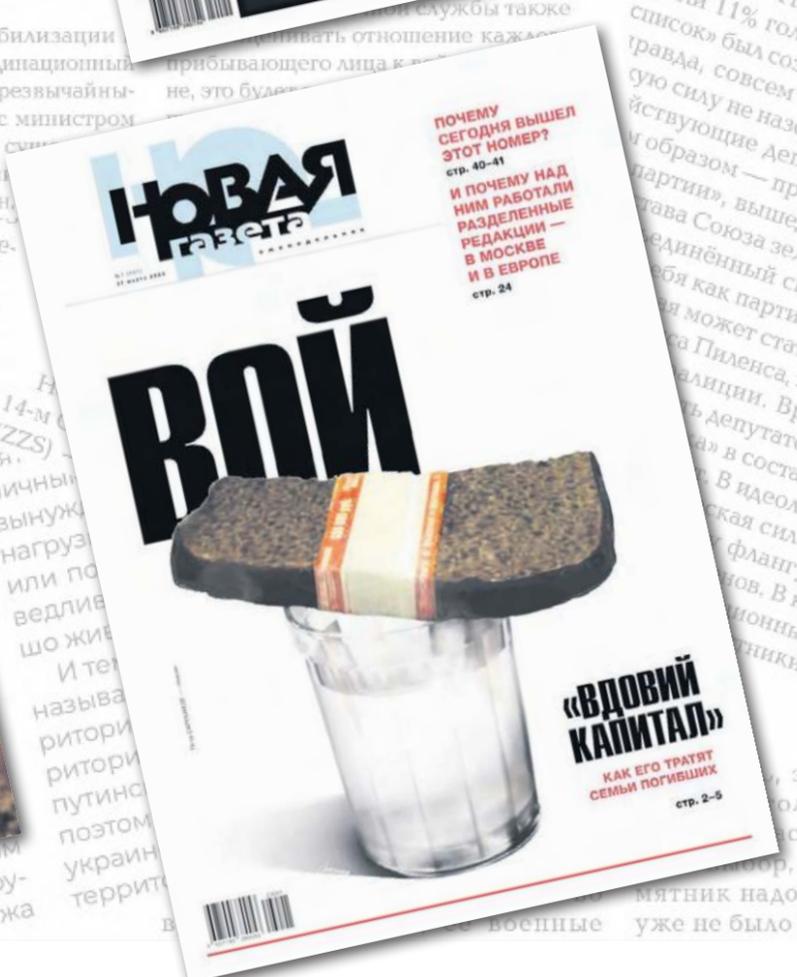
А газа Сибири особо не обещают. К 2027 году газификацию Иркутской области планируют довести с нынешнего 1% до 3,2%, а в целом по Сибирскому федеральному округу голубое топливо должно будет прийти в 140 населенных пунктов. Зато поставки в Китай «Газпромом» наращиваются: планируется, что вместо прокачиваемых 4,1 миллиарда кубометров в год к 2025-му они достигнут 48 миллиардов кубометров. Об этом пишут даже с какой-то гордостью.

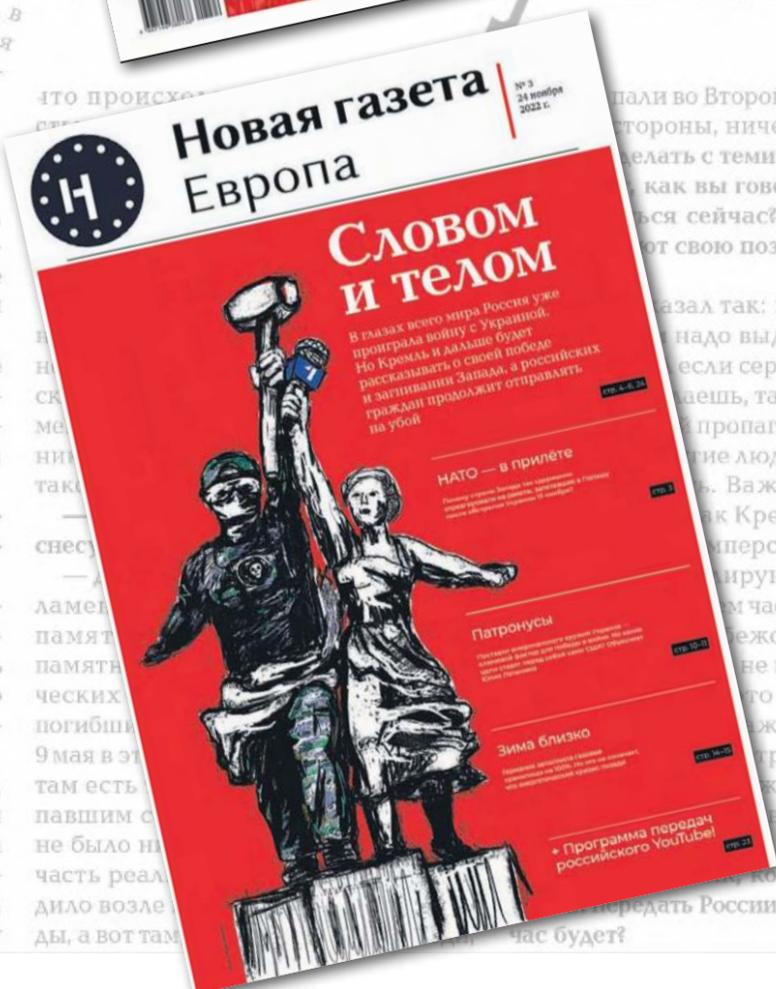
Люди в Сибири непривередливые и нетребовательные. Простые. Могут и недотопить, и спать в одежде, и довольствоваться «курочкой». На таких страна держится. К ним государство и приходит, когда ищет людей для армии. А за это — чем уж богата — одаривает их близких дровами. И грибами.

Иван ЖИЛИН, Анна АРТЕМЬЕВА |

Зеркала «Новой»

На протяжении 30 лет «Новая газета» показывает в отражении жизнь России во всех ее проявлениях. Чаще всего это фиксация проблем (а в последнее время — еще и непрекращающегося кошмара), которые власть создает своим гражданам, и всему миру. Разумеется, с началом войны политический режим сделал все, чтобы газеты, подобные «Новой», перестали выходить. Но это бесполезно: редакция раз за разом находит способы сохранить себя и свой голос, меняется только формат «зеркал», то есть газетных и журнальных обложек. Некоторые из них вы можете увидеть на этом развороте

Ирина Тумакова
специально для «Новой газеты
Европа»

Свирь

Карельское село Шёлтозеро находится в 30 километрах от границы с Ленобластью. Самый короткий путь сюда из Петербурга включает паромную переправу через реку Свирь там, где она впадает в Онежское озеро.

Свирь делит на две части село Вознесенье. Википедия сообщает, что в годы Большого террора в селе Вознесенье были репрессированы 170 жителей. В сети есть фотоснимки 1942 года, и видно, что внешне Вознесенье с тех пор не изменилось, даже фонарные столбы те же, только покосились. На левом берегу Свири находятся сбербанк, продуктовый магазин, почта, жилые дома и поселковая администрация, в которой сидит сотрудник военкомата. На правом — гранитные карьеры и еще пара деревень, административно относящихся к Вознесенскому поселению. Каждый день вознесенцам и жителям этих деревень приходится перебираться с одного берега Свири на другой. Река здесь ненамного шире Невы, но моста нет.

— Сами сколько живем здесь — столько мечтаем, чтобы мост был, — вздыхает женщина с большой сумкой в очереди на паром. — Продуктовый на этом берегу, а живу я на том.

Паром ходит с левого берега к правому раз в час с 6 до 23, переправа занимает минут десять, не считая очереди. Иначе — обратно в сторону Питера 80 км до Подпорожья, ближайший мост там. Ну или в объезд Онежского озера — примерно 700 километров.

— Кто не успеет на паром — можно заплатить раз в пять подороже, вас и перевезут, — советует мне продавщица в рыболовном магазине на левом берегу.

В пять раз дороже — это 850 рублей за легковушку. Жителю прионежских деревень, чтобы заработать такие деньги, надо часа три провести по колено в болоте, собирая клюкву.

Трое мужчин в очереди на паром вышли из машины. Они рассказывают мне, что работают на карьере, добывают карельский гранит габбро-диабаз. Камень хорошо идет на надгробья и очень полезен для печени, если прикладывать, а добывать его вредно, потому что габбро-диабазная крошка токсична. Но работать больше негде. Да и на карьере поди найди хорошую работу, туда всё норовят устроиться городские, из Петрозаводска.

— У нас в бригаде трех человек мобилизовали, — делится тот, что постарше, седой. — Позвонили на работу и говорят: на вас повестки есть, приезжайте. У нас военкомата-то нет как такового, а в Вознесенье при администрации сидит человек.

— И сами поехали за повестками? — переспрашиваю я.

— А чего не поехать? — удивляется седой. — Вот у нас один мужик был в Турции с семьей на отдыхе. Вернулся и рассказывает: жена с ребенком отдыхают, а у него все мысли только о том, что рядом украинцы проклятые, бендеровцы эти. Сил нет, говорит, смотреть! Приехали, отдыхают, понимаешь. И ничего ведь не сделаешь: морду набьешь — так тебя еще и с курорта выселят. Весь отдых ему испортили. Вернулся, а тут как раз повестки эти.

— И пошел бить «бендеровцев»? — жду я продолжения.

— А чего ему идти? — снова удивляется седой. — Ему повестка не приходила.

Вознесенье, где сами ездят за повестками, — это еще не Карелия, это Ленобласть.

СПЛОШНАЯ

Чтобы избежать мобилизации, жители села в Карелии ушли на болота за ягодой. Мы тоже туда съездили

В карельском селе Шёлтозеро числятся 878 жителей, еще 467 — в соседней Рыбреке. Ни один из них не ушел на войну с Украиной. Живут в этих селах прионежские вепсы, коренной малочисленный народ Севера. Шёлтозеро и Рыбрека с окрестными деревнями образуют Вепсскую волость, которая имела когда-то национальную автономию, лишилась ее в 2004 году, но дух вепсов, как вы скоро поймете, неискореним. В момент «Ч», то есть как раз к получению повесток, так совпало, что все 14 человек, подлежащих мобилизации в двух деревнях, оказались заняты сбором клюквы. На очень дальних карельских болотах. «У нас ведь сезон клюквы», — не моргнув, объясняли их односельчане. Когда на повестке дня у вепса клюква, ему не до военных повесток.

Придорожная торговля в Карелии

Клюква

В октябре день в Карелии короткий, в шесть вечера уже темно. Но до самых сумерек вдоль шоссе стоят банки с клюквой и ведра с грибами. Торгуют основательно: домики, палатки, навесы, торговля не кончается круглый год. Малина, черника, брусника с морошкой, потом клюква, в этом году она особенно уродилась. Круглый год рыба вяленая, копченая, свежая — только что бегала.

На шоссе к фонарному столбу привязана табличка: «Клюква, морошка, черника». Рядом — рыба копченая, вяленая, свежая, это уже прибито на ладном невысоком домике с большим окном. Его сколотил под магазин Валера. Он и сестра его Наталья торгуют уже лет двадцать, с тех самых пор, как не стало завода, где работал Валера. Внутри домика установлены мощные морозильники, поэтому даже сейчас, когда морошка отошла, у Валеры можно купить килограмм за тысячу рублей. Копченая рыба есть, варенье — любое. Валера добывает сырье — Наталья перерабатывает и продает.

— Раньше у нас был завод — переработка древесины, мебель делали, — садится Валера на стульчик в своем магазине. — Керамический цех был. Была ферма, были поля. Ничего не осталось. Москвичи, питерцы ваши приехали, всё скупили, хапнули денег — и всё бросили. Вместо фермы на полях стоят дачи.

Литровая банка клюквы у Валеры стоит 250 рублей. Он сам торгует, перекупщикам не сдает.

— У них такая баночка 60 рублей выходит! — присвистывает Валера. — Это я полдня проведу по колено в болоте, а потом пойду за тыщу рублей всё сдавать?

Собирать клюкву — каторжная работа.

— Я могу в день, если не горбатиться, килограммов тридцать клюквы собрать, но надо, чтобы ягод много было, — хвалится Валера. — А знакомый у меня комбайном собирает. За полдня может 15 ведер десятилитровых набрать, но эту клюкву надо еще с болота вытащить. Вот он целый день и таскает, сколько ходок надо сделать на болото, чтобы всё вынести. Километра по три — по четыре, и всё в воде. Вездеход не у каждого есть, а без него ближе не подъехать. Опять же, бензин денег стоит. Кто-то живет в лесу по несколько дней в палатке, а потом разом всё вывозит.

Кроме ведер с грибами и ягодами, обочины дорог и заборы домов украшены большими самодельными щитами с рекламой. Кто-то предлагает услуги экскаваторщика. Кто-то — электрика. Один продает «дрова в сетках», другой — веники для бани, третий бани строит. Четвертый держит корову, продает молоко и навоз на удобрения. Безотходное производство. Деревни живут натуральным хозяйством: я тебе навоз — ты мне картошку.

— Примерно так и есть, — кивает еще одна продавщица клюквы, Лена. — Я фуру держу, а муж на ней камень возит с карьера на цеха. Когда объявили мобилизацию, я сразу подумала: заберут его — что я с

фуру делать буду? И дома у нас тут — это вам не городские квартиры. Мужа заберут — я даже с насосом в доме не справлюсь, он зимой замерзает.

Примерно так подумали и другие в деревнях, услышав о мобилизации. У Любы тоже целый магазин при дороге, а построил его зять.

— Зятю тоже пришла повестка, он и поехал, — вздыхает Люба. — А он у нас мужик в семье один. Он и пилит, и строит — всё на нем. Рыбу сам ловит, коптит сам. У нас хозяйство еще: куры, индюки, перепела, поросята. Как пришла эта повестка, мы с дочкой напугались: заберут его — и как мы? Слава богу, он съездил и обратно вернулся. Он у нас водитель на скорой, сказали: скорую без него водить некому. А у Лепёшкиной забрали сразу и мужа, и сына.

Так я ехала вдоль деревень, останавливаясь у банок с клюквой и расспрашивая продавцов. Ехала от Петрозаводска к поселку Шёлтозеро. Деревня Ладва была мне не по пути. Но очередные продавцы клюквы подсказали мне поискать там семью Гориновых, где «мужика забрали при троих-то детях».

Ладва

Ладва — одна из самых крупных деревень Прионежья, здесь, по официальным данным, проживают две тысячи человек. И здесь есть уличные фонари. И еще идет удивительный ремонт дороги: ее не расширяют, две машины могут еле-еле разъехаться, но

Солдат может погнубнть. Демертвр обязан умереть

«Демертврство — это, помимо вооруженного сопротивления, радикальная форма отказа. Это восстание маленького человека, простого солдата, который никем не командует и в своем одиночестве не способен побудить других к солидарным действиям. Демертвр — это ни больше ни меньше лишь он сам, нелепо дрожащая масса из плоти и страха. А если повезет, то и из ярости, ведь его могут преследовать и казнить, и тогда ему придется биться за собственную шкуру. Демертвр — это комок одиночества, пота, крови и смерти, находящийся на одном поле боя с самодовольными и жаждущими убийств героями. Он знает, что покидает родину, но не может знать, вернется ли когда-нибудь домой. Он также не может быть уверен, оставят ли его в живых те, к кому он идет», — так в своей книге «Солдаты-убийцы. Немцы и война» определил природу демертврства бежавший на Запад восточногерманский политзек и писатель Герхард Цверенг, который сам в 1944 году оставил свое подразделение после двух лет на фронте.

Цверенг выпустил свою книгу в 1988 году. Лишь тогда, через 43 года после окончания Второй мировой войны, в ФРГ стали возможны рассуждения о героизации демертвров и начались дискуссии о возможном приписании к жертвам нацистского режима тех солдат, кто не желал участвовать в гитлеровской войне.

Национал-социалисты ужесточили законодательство о демертврстве (нем. *Fahnenflucht*, то есть дословно — «побег из-под знамен»). — Прим. ред.) еще в 1934 году, задолго до начала войны. Режим сразу же вернул в систему юстиции военные суды, а самовольное оставление части превратилось из проступка в преступление с санкцией до десяти лет лишения свободы. С 1939 года в силу вступило Распоряжение об особом уголовном праве в период войны, в котором судьям рекомендовалось назначать за демертврство в качестве наказания смертную казнь. Так в нацистском законодательстве закрепилась идеология Адольфа Гитлера от 1925 года: «Солдат может погнубнть, демертвр обязан умереть».

— Да, были и виды наказаний с лишением свободы, но уже в самом начале войны каждое преступление, которое может поставить под угрозу общую дисциплину вермахта, рекомендовалось пресекать в рамках выше предусмотренной уголовным кодексом санкции — вплоть до смертной казни. Это объяснялось необходимостью поддерживать железную дисциплину в войсках. С 1940 года каждый судья мог сам решить, какое деяние подрывает дисциплину в вермахте (даже кража куска хлеба!), и приговорить человека к смертной казни только на этом основании. Это особое распоряжение было как джокер в рукаве судьи: не обязательно приговаривать каждого к смерти за подрыв дисциплины, но при желании можно, — объясняет в беседе с «Новой газетой Европа» историк Штефан Трайбер, занимающийся исследованием феномена демертврства.

Точно подсчитать количество вынесенных и приведенных в исполнение смертных приговоров демертврям на сегодняшний день затруднительно, говорит Трайбер. Сложность заключается в том, что огромная часть документов нацистской юстиции уничтожена, а под конец войны демертвров казнили полевыми судами, не ведя счет расстрелам.

— Мы можем установить число демертвров только косвенным путем, исходя из числа приговоров по делам о демертврстве, — объясняет сотрудник Бухенвальдского мемориала Роберт Парцер.

По более ранним оценкам историков (например, исследование Ральфа Бухтенкирхена

За годы Второй мировой войны через ряды регулярной немецкой армии — вермахта — прошли более 18 миллионов мужчин. Это были добровольцы и насильно мобилизованные, обычные заключенные и политзеки, жители оккупированных территорий и представители «нетитульных» народов Германии. Многие из них перебежали на сторону противника и вырывались с линии фронта, но сколько именно было таких демертвров, а главное, почему они решились бежать, до сих пор изучено плохо. Во время войны свидетельства о беглецах часто уничтожались. Но главная проблема в том, что судьбы демертвров никого не интересовали и после «часа ноль», когда немцы, как много лет было принято утверждать, вроде бы начали рвать связи с диктатурой.

Демертврство — самовольное оставление подразделения или линии фронта — до сих пор считается преступлением во многих странах мира, и по этой логике власти ФРГ весь остаток XX века расценивали своих демертвров как уголовников. Бундестаг реабилитировал их только в 2002 году. На тот момент добровольно сложивших оружие солдат в живых оставалось 40 человек. Отдельные категории «предателей» из числа солдат вермахта считались судимыми аж до 2009 года. Так демертвры стали последними жертвами нацизма, которых германское государство жертвами не признало. В этом тексте «Новая газета Европа» разбирается, кем на самом деле были демертвры вермахта, почему от них отреклись сограждане и как общество травмированных несправедливой войной людей может прийти к консенсусу даже спустя 60 лет.

Бегство с несправедливой войны

Никита Кондратьев
корреспондент
«Новой газеты Европа»

Кем были немцы, отказавшиеся воевать на стороне Гитлера, и почему Германия почти не сохранила память о них? Краткая история демертврства в вермахте

Фото неизвестного автора, на котором запечатлено задержание демертвров солдатами вермахта. Около 1944 года, где-то на Западном фронте

2011 года), за весь период Второй мировой войны Третьего рейха вынесли около 30 тысяч смертных приговоров демертврям. Примерно 23 тысячи человек были в действительности казнены.

Штефан Трайбер, сотрудник мемориального комплекса Дахау, с 2018 года смог изучить более 4000 уголовных дел бойцов пехотных

дивизий вермахта, воевавших на Восточном фронте до 1944 года. В своем новом исследовании «Герои или трусы?» (2021, *Helden oder Feiglinge?*) он пришел к выводу, что всего за время войны военным служащим вермахта вынесли 26 тысяч обвинительных приговоров за демертврство. Из них 60% — смертные приговоры. Из вынесенных смертных приговоров

60% приведены в исполнение. То есть всего в вермахте до 1944 года казнили около 10 тысяч демертвров.

— Это очень много, если сравнивать с другими армиями. В армии США за всю Вторую мировую привели в исполнение лишь единственный смертный приговор демертвру, — говорит Трайбер.

Повешенный дезертир вермахта. Табличка на шее гласит: «Так умирают предатели Отечества». Фото: документальный кадр из фильма Анатолия Литвака «Решение перед рассветом» (США, 1950)

При этом общее число бежавших с линии фронта солдат регулярной немецкой армии во Вторую мировую принято оценивать в 400 тысяч человек. Таким образом, из 18-миллионной армии добровольно сложили оружие лишь 2% военнослужащих. Правда, здесь стоит учесть, что 5 миллионов военнослужащих вермахта погибли или пропали без вести.

«Пропаганда вселила животный страх плена»

Небольшая доля дезертиров в вермахте может объясняться несколькими факторами. И Парцер, и Трайбер сходятся во мнении, что огромную роль в этом сыграли дисциплина и сплоченность подразделений.

— Конечно, 2% — очень малая доля. Но дезертирство, побег с фронта были лишь одной из возможных форм сопротивления. В уголовном кодексе содержались и другие статьи, по которым судили людей, отказавшихся выполнять приказы. И далеко не все дезертиры были идентифицированы: многие приговоры в конце войны выносились так называемыми летучими полевыми судами. При отступлении немецкой армии уже на территории рейха или у самой границы импровизированные суды из одного командира и двух военнослужащих рангом ниже расстреливали каждого солдата, который в эту минуту находился не в рядах своего подразделения и не мог дать этому логичного объяснения. Процесс занимал 10–20 минут, после чего приговор приводился в исполнение сразу же. Но в общем и целом дезертирство не было массовым явлением. Сплоченность подразделений вермахта была, действительно, очень высокой, и число дезертиров или отказников было относительно небольшим, — говорит Парцер.

Эта сплоченность, по словам Трайбера, дополнялась и социальными гарантиями в армии.

— В Германии даже нацистская система оказывала колоссальную финансовую поддержку солдатам и их семьям. Если страна мобилизовала молодого отца, то семья получала

80% его последнего жалования. Семьи оставались материально обеспеченными. И для немецкого солдата это было определяющим фактором в вопросе побега с фронта: если он дезертирует, его семья лишится средств к существованию, — поясняет историк.

При этом, признает историк, у солдат вермахта присутствовал страх перед совет-

альтернативой. У них, безусловно, был страх мести солдат Красной армии, и свою роль в этом сыграла пропаганда: она вселила животный страх плена. Другой аспект — человеческие отношения. В своем отряде солдат чувствует себя защищенным. В любой армии хоть какую-то определенность на фронте тебе дает твоё подразделение: ты вместе с товарищами, у тебя есть хоть и минимальный, но шанс на защиту. Дезертировав, ты окажешься один, — заключает Штефан Трайбер.

Портрет беглеца

В своей работе с архивами Восточного фронта Трайбер впервые смог в деталях установить мотивы дезертиров вермахта, обстоятельства их побега и по крупицам собрать портрет человека, отказавшегося участвовать в боевых действиях на стороне агрессора.

Лишь в 1% судебных актов историку удалось найти истории дезертиров, сбжавших с фронта по явно политическим, антивоенным мотивам или желавших оказать сопротивление национал-социалистическому режиму. В большинстве случаев дезертиры пытались избежать наказания за другой дисциплинарный проступок. Кроме того, каждый пятый дезертир ранее уже был осужден за проступки в армии или на гражданке.

— Типичный дезертир был скорее юн (согласно исследованию Трайбера, более 50% дезертиров родились после 1920 года и, соответственно, были индоктринированы в идеологию НСДАП еще в школе. — Прим. ред.), и в подразделение он прибыл относительно недавно. Исходя из данных, которые я проанализировал, дезертиры вермахта, как правило, совершали побег из подразделения в течение первых трех месяцев. Я пришел к выводу, что ключевую роль здесь вновь играет сплоченность коллектива. После того как военнослужащий породнился со своими однополчанами, решение бежать давалось ему всё тяжелее. В первые три месяца сбегать от товарищей психологически проще.

считали дезертирство формой политического сопротивления, но я, к сожалению, не могу согласиться, — поясняет исследователь.

Историк Роберт Парцер не совсем согласен с выводами коллеги.

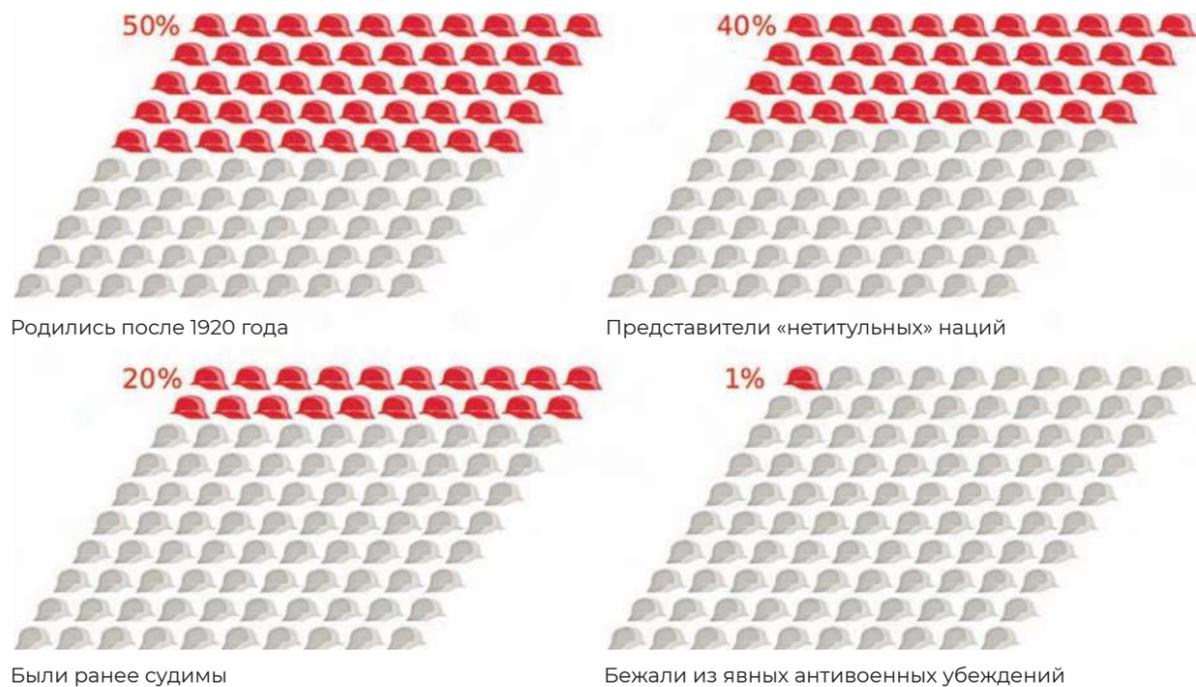
— Да, действительно, многие дезертиры совершали преступления. Но это часто происходило в ходе самого побега. Например, угнали автомобиль, пока выбирались из зоны боевых действий. Украли где-то яблоко — это по тем временам тоже считалось уголовно наказуемым деянием. Многие преступления дезертиров, как мы видим, — это часть самого процесса дезертирства. Что считать сопротивлением, а что нет — еще один очень спорный вопрос. Всегда есть определенные маркеры, по которым мы можем точно сказать: да, этот человек бежал с фронта, потому что хотел спасти людей, хотел завершить войну поскорее. Но большинство побегов из армии происходили очень спонтанно. Некоторые просто не выдерживали происходящего на фронте. Продолжительные обстрелы артиллерии, жизнь в окопе — у человека сдают нервы, он бежит или переходит на сторону «врага». Многие поневоле стали дезертирами просто потому, что слишком поздно приехали из отпуска или вернулись в расположение подразделения позже назначенного срока. Они боялись приговора по суду за «самовольное оставление подразделения» и поэтому решали прятаться, — говорит он.

Парцер выделяет две социальные черты, которые встречаются чаще в биографиях дезертиров, чем в биографиях других военнослужащих. Первая: дезертир чаще холост. В условиях диктатуры, говорит исследователь, это означает, что он меньше привязан к социальным структурам и не боится, что за его побег репрессируют его жену и детей. Вторая: дезертир чаще изначально находится в подразделении за линией фронта и в момент побега не сражается непосредственно на передовой.

— Положение непосредственно на поле сражения зачастую крайне непонятное, и солдат вообще не знает, в какой стороне сейчас противник и как советские, скажем,

Дезертиры в цифрах

Характерные черты солдат, дезертировавших из вермахта

Источник: Helden oder Feiglinge. Deserteure aus der Wehrmacht. Stefan Kurt Treiber. Campus Verlag 2021

ским пленом, которым часто пугала немецкая пропаганда.

— Основной массив документов, которые мне удалось проанализировать, касается войны против Советского союза. С самого начала это была очень жестокая, человеконенавистническая кампания, война на уничтожение. И попадание в плен для солдат вермахта едва ли было приемлемой

Исходя из всего массива документов дезертиров можно заключить, что у меньшинства прослеживались четкие политические мотивы. В остальных случаях солдата толкал на дезертирство в основном страх наказания: перед побегом он совершил кражу, прозевал врага, стоя в карауле. Дезертирство в этом случае было рефлекторной реакцией: человек бежит из страха. Другие авторы годами

солдаты отнесутся к дезертиру. Вероятно, просто расстреляют на месте. Бежав в сторону своей территории, дезертир всегда будет ориентироваться лучше, чем на оккупированных землях или вблизи линии фронта. Эти два фактора и определяют вероятность побега, — заключает историк.

Продолжение ▶

◀ Начало

Антифашисты в вермахте

Говоря об «идеологических дезертирах», историки приводят в пример так называемые 999-е батальоны. Под этой кодировкой в вермахте подразумевались штрафные подразделения, собранные из людей, которых относили к категории «недостойных воинской службы» — уголовников, а также узников лагерей и тюрем, часто осужденных по политическим статьям: это коммунисты, социал-демократы, члены антифашистского подполья.

picture-alliance / dpa

Немецкий режиссер Фальк Харнак — боец 999-го штрафного подразделения, а позже — армии сопротивления в Греции

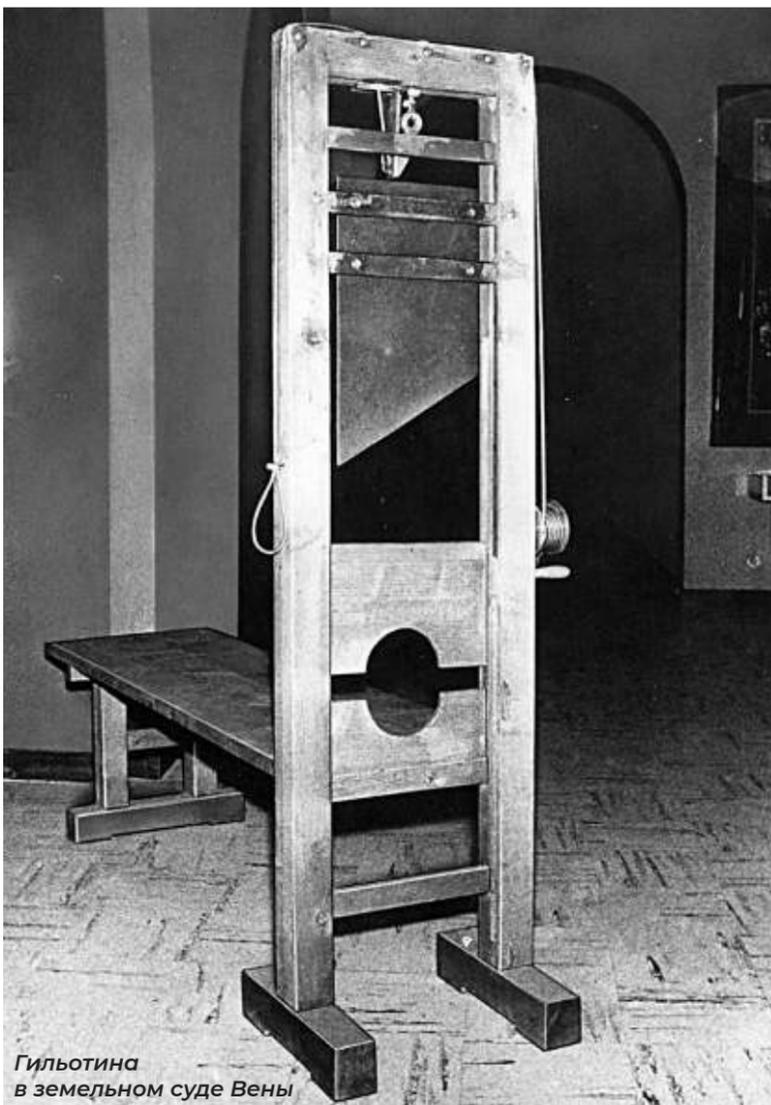
К середине войны командование вермахта перестало «брезговать» идеологически ненадежными бойцами и начало мобилизацию всех боеспособных мужчин. Официально батальоны под номером 999 создавались, чтобы дать коммунистам и другим заключенным шанс «смыть позор со своей чести образцовыми храбрыми солдатскими подвигами и тем самым снова стать полноправными солдатами и гражданами». При этом их в любой момент могли вернуть в места заключения без зачета времени, проведенного на фронте. Треть из почти 30 тысяч солдат 999-х подразделений были политзеками. Точное число дезертиров среди них неизвестно, исследователи исходят из нескольких сотен.

— Они регулярно, систематически пытались организованно перейти на сторону противника. У кого-то такой побег закончился удачей, у кого-то — нет. Это сильно зависит от конкретных обстоятельств на фронте. Были и солдаты, ушедшие с линии Восточного фронта к партизанам и продолжавшие воевать в [советских] партизанских отрядах, — рассказывает Парцер.

Социальный суицид

В послевоенной Германии дезертиры не подлежали реабилитации и по-прежнему сохраняли судимость и, более того, считались предателями.

Частично это объясняется тем, что в восстановительный период в правительство Конрада Аденауэра входили деятели нацистской Германии (командир коллаборационистских соединений Теодор Оберлендер, комментатор расовых законов Ганс Глобке и прочие). На более низких уровнях власти посты занимали и бывшие нацистские судьи, так как их действия в рамках закрепленного в период Третьего рейха законодательства не считались преступлением даже в новой Германии.

Архив австрийского Сопротивления (DÖW)

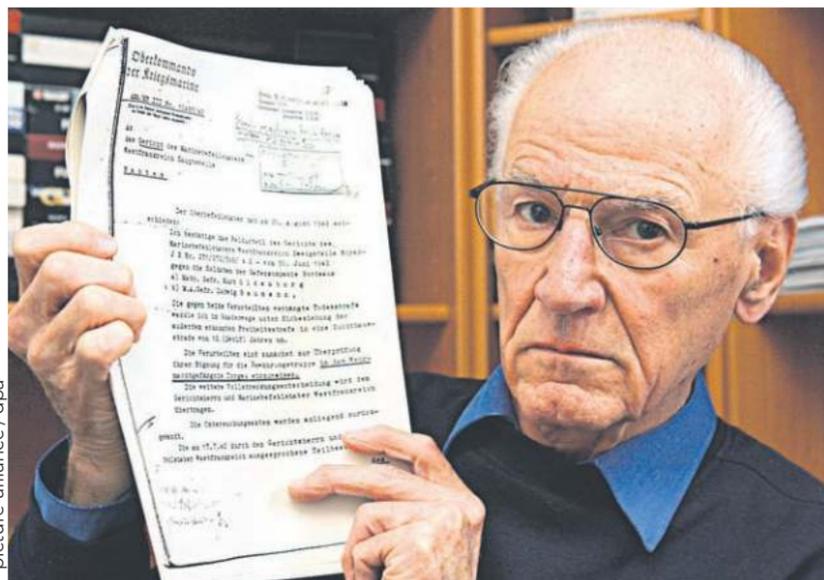
Гильотина
в земельном суде Вены

Бегство с несправедливой войны

В этом контексте показательна история дезертира Вальтера Грёгера. В 1943 году его, 21-летнего матроса кригсмарине, направили на службу в норвежский Нарвик. По пути он сошел в Осло и планировал скрыться у подружки-норвежки, чтобы вместе с ней бежать в нейтральную Швецию. Мотивы и детали биографии Грёгера абсолютно типичны для дезертиров того времени: молодой, аполитичный, недавно прибывший в подразделение и уже имеющий за спиной несколько дисциплинарных нарушений и мелких преступлений. Грёгера арестовали и назначили относительно мягкое по тем временам наказание: восемь лет исправительного дома (пенитенциарное учреждение с усиленным режимом. — Прим. ред.).

Однако командующий флотом Отто Швинд обжаловал этот приговор и настоял на смертной казни для молодого матроса. В марте 1945 года, менее чем за два месяца до окончания войны, Грёгера расстреляли в древней норвежской крепости Акерсхус. Обвинение в процессе против Грёгера представлял некто Ханс Филбингер, он запросил для матроса смертную казнь и контролировал приведение приговора в исполнение.

За свою карьеру Филбингер был судьей в 169 и обвинителем в 63 процессах. Как минимум четыре из них завершились смертной казнью. После войны он был денацифицирован и допущен до работы в госорганах. В ходе денацификации Филбингер оправдывал свое участие в нацистских судебных процессах тем, что юрист мог заработать на жизнь

picture-alliance / dpa

Людвиг Бауманн с архивной копией постановления об отмене его собственного смертного приговора

в Третьем рейхе, только если его признавали «политически надежным».

В 50-х бывший нацистский судья Филбингер вступил в правящую Христианско-демократическую партию, возглавил городской совет Фрайбурга, затем — региональное МВД, а в 1966 году стал премьер-министром Баден-Вюртемберга.

Об участии Филбингера в казнях никто не вспоминал более 30 лет. В 1978 году публицист Рольф Хоххут напечатал в газете Zeit доказательство участия премьер-министра Баден-Вюртемберга в процессах над дезертирами. За публикацией последовала отставка

экс-судьи с поста регионального премьера. До конца жизни Филбингер настаивал, что приговор матросу Грёгеру был правомерным.

Филбингер, как и другие немецкие политики того времени, считал, что военная юстиция Третьего рейха не может быть признана преступной, так как в целом отвечала международным стандартам в рамках законов военного времени. Даже в 1997 году, когда Бундестаг принял первую резолюцию об осуждении приговоров отказникам во время войны, в ней содержались такие слова: «Если деяние, за которое был вынесен приговор, считалось бы незаконным и сегодня, применяются иные правила». То есть еще в 1990-е годы парламент Германии отказывался реабилитировать дезертиров вермахта, если их действия подпадали под статьи о дезертирстве законодательства ФРГ.

Для реабилитации или хотя бы признания дезертиров были не только политические, но и социальные преграды. Многие из демобилизованных молодых людей смогли продолжить карьеру после 1945 года. Представления о том, как новые поколения должны видеть прошедшие годы диктатуры, формировались и навязывались, в том числе, этими людьми.

— Даже в 50-х еще находились люди, которые выступали на публике и говорили, что [организатор покушения на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года] граф фон Штауфенберг — предатель, — замечает историк Роберт Парцер.

Признаться в дезертирстве спустя многие годы после окончания войны всё еще было сродни социальному суициду.

— Каждый, кто оставляет свой отряд, делает хуже в первую очередь своим товарищам, — формулирует Штефан Трайбер отношение к отказникам в те годы. — Обычные солдаты в принципе не говорили о войне, а уж о дезертирстве тем более. Конечно, выжившие дезертиры стигматизировались. Представьте себе, закончилась война, через ряды армии прошли 18 миллионов мужчин, некоторые из них вернулись, а вы бежали с фронта. Вы идете на работу, где каждый второй ваш коллега — бывший солдат. Вы бы сами признались, что дезертировали?

Демонстрация бывших узников концлагерей с требованием отставки Филбингера 16.06.1978 в Штутгарте

Возвращение имен

Настоящая публичная дискуссия на тему дезертирства началась только в 80-х на фоне движения за мир в Западной Германии, когда по всей стране шли протесты против размещения в ФРГ баллистических ракет НАТО средней дальности и милитаризации Европы в целом, а в тогдашней столице — Бонне — в 1983 году на демонстрацию вышли полмиллиона человек.

Первым, кто действительно занялся защитой прав и увековечением памяти дезертиров, стал Людвиг Бауманн: в 1990 году

стал делать этого, по его словам, из пацифистских убеждений.

Людвига арестовали, пытали и приговорили к смертной казни. Он провел десять месяцев в камере смертников одной из самых страшных для немцев тюрем тех лет, Торгау, прежде чем суд заменил ему расстрел на 12 лет заключения. Почему суд проявил к нему такое снисхождение, неизвестно. Сам дезертир до конца жизни был убежден, что избежал смертной казни только из-за вмешательства богатого отца. «Каждое утро во время смены караула я думал: “Сейчас заберут”», — вспоминал Бауманн.

«предатель» поставили дезертира на колени и принялись избивать его.

Людвиг пришел в полицейский участок, чтобы подать заявление, но и там встретился с насилием от таких же бывших солдат вермахта в полицейской форме. Бауманн говорил, что после войны и плена это сломало его окончательно: он закрылся в себе и начал пить. За несколько лет он пропил всё наследство богатого отца. Людвиг, по собственному признанию, уже готовился закончить жизнь «в канаве», но в 1966 году при родах умирает его жена Вальтрауд, а у дезертира с разрушенной психикой на ру-

Тюрьма Торгау, американский снимок с воздуха, 1945 год

он начал кампанию реабилитации жертв нацистской военной юстиции и в итоге добился принятия необходимых законов.

Бауманн, выходец из зажиточной гамбургской семьи, занимающейся оптовыми продажами табака, в молодости не вступил в гитлерюгенд и не стал членом партии, а на войну попал в 19 лет как охранник в порту Бордо. В июне 1942 года он решил дезертировать вместе со своим товарищем и добраться до неоккупированной части Франции. Вскоре их задержали немецкие таможенники. Бауманн был вооружен и мог оказать сопротивление, но не

Отбывать свой срок по приговору Бауманну не пришлось. В апреле 1943 года он выходит из тюрьмы и меняет камеру смертников на «отряд смертников» — 500-й штрафбат на Восточном фронте, солдат которого отправляли на разминирование и обнаружение огневых точек противника. Оттуда он попадет в советский плен и после войны вернется в родной Гамбург.

В Германии дезертир не смог начать спокойную жизнь: по рассказам Бауманна, на улице в Гамбурге он случайно встретил бывших однополчан, и те с криками

“
Человек может
сказать: да, я не
принял повестку,
идет мобилизация,
я не в армии,
поэтому я дезертир.
Но достаточно ли
этого для немецких
бюрократов?”

как остаются шестеро детей. Только тогда, говорил Бауманн, он смог взять себя в руки, чтобы позаботиться о семье.

В 1980-х Бауманн присоединился к пацифистскому движению, а к 1990 году собрал вокруг себя 40 выживших дезертиров, чтобы основать первую организацию, защищающую отказников, — Союз жертв национал-социалистической военной юстиции. Людвиг и единомышленники поставили первоочередной целью добиться реабилитации живых и мертвых дезертиров. «[Их] семьи должны обрести покой и получить возможность гордиться своими отцами и дедами», — говорил он.

Бауманн заручился поддержкой левой партии (тогда — Партия демократического социализма) и историков и только в 2002 году смог добиться принятия в Бундестаге

полноценного Закона о неправомерных решениях национал-социалистической юстиции, отменявшего приговоры дезертиров, гомосексуалов и лиц, осужденных за «непристойные действия». Христианские демократы и либеральная партия «Свободных демократов» голосовали против. Из дезертиров реабилитации дождался только 40 человек, а с момента вынесения Людвигу Бауманну смертного приговора прошло ровно 60 лет.

Людвиг Бауманн, последний настоящий дезертир ФРГ, умер в 2018 году. Но и после смерти правозащитника германское государство не намеревалось считать его поступок подвигом: сына Бауманна попросили вернуть государству «избыток» дезертирской компенсации, так как последние дни Людвиг провел в доме престарелых, а незадолго до этого Минфин Германии решил сократить пенсии жертв нацистской юстиции, которые находятся в медучреждениях. Позже требования к семье Бауманна отозвали — молча, без объяснения причин.

Сегодня консерваторы, неонацисты и сторонники теорий заговора всё еще считают дезертиров предателями, но в целом отношение к явлению в общество стало скорее позитивным, говорит историк Штефан Трайбер.

— Отчасти из-за нарратива сопротивления, отчасти просто из-за того, что эти солдаты покинули поле боя и тем самым сделали свой маленький вклад в прекращение войны.

При этом мотивы дезертиров, в большинстве своем совсем не антивоенные, в обществе обсуждать еще не принято.

Новая война и новые дезертиры

С началом войны в Украине правительство Германии, наученное опытом дезертирства Второй мировой, предложило политическое убежище тем, кто отказался воевать на стороне российской армии. Однако никаких законов, регулирующих пребывание в стране такой категории российских беженцев, принято не было. Слова политиков остались словами. Спустя несколько месяцев российские уклонисты, купившиеся на эти обещания, стали сообщать, что их высылают из ФРГ.

— В Германию после мобилизации приехали и подали [заявления] на политубежище очень много людей. Большинство вообще без повесток, сильно меньше — с повестками, а дезертиров совсем мало, до десяти человек. И многие из тех, кто сейчас находится в лагерях для беженцев, могли бы не запрашивать убежище, а легализоваться другими способами <...>. Большая часть из подавших на политубежище до сих пор находится в прострации и даже не связываются с правозащитными организациями, — рассказывали «Новой Европе» правозащитники, занимающиеся проблемами бежавших из России дезертиров и отказников в Германии.

— Нельзя забывать, что ФРГ — очень бюрократизированная страна, здесь для всего должно быть доказательство, — говорит исследователь Роберт Парцер. — Человек может сказать: да, я не принял повестку, идет мобилизация, я не в армии, поэтому я дезертир. Но достаточно ли этого для немецких бюрократов? Невозможно точно узнать, дезертировал россиянин или нет. В общем и целом политики боятся. В Германии очень много украинцев и украинок, бежавших от войны. Что может произойти, когда придет много россиян-дезертиров? Существует общая проблема с распределением и управлением процессами, когда разом приезжает множество беженцев. Сейчас помощь украинцам, как и прежде, работает прекрасно. Но если придет еще больше людей, то система, возможно, захлебнется.

Светлана Стивенсон

профессор социологии университета Лондон Метрополитан, специально для «Новой газеты Европа»

В начале марта СМИ широко распространяли снятое в России видео, в котором пожилая женщина в крайне резкой форме говорит об Украине и украинцах. Призывая «прикончить» взрослых и детей, обывательница, разумеется, повторяет риторику российских телевизионных пропагандистов, но при этом обнаруживая в себе самой те эмоции, которым посторонние могут только ужасаться.

Как объяснить такую брутализацию части российского общества? Как получилось, что насилие, жестокость, агрессия, которые живут в глубине человеческой природы, но обычно подавляются, столь беззастенчиво вышли сейчас на поверхность?

К 2022 году Россия достигла максимального уровня материального процветания большинства населения в своей истории. Но при этом часть людей охватила жажда разрушения и убийства. Ради победы над сконструированным пропагандой образом врага в лице Украины и Запада некоторые уже готовы отказаться и от комфорта, и от прежде столь ценной стабильности.

Понять причины подобной масштабной трансформации общества может помочь не столько внимательное изучение самих граждан, сколько тех, кто в результате постсоветского транзита оказался на вершине власти. Их социальное происхождение, биографии, поведение и характер значат гораздо больше, чем чувства ведомых ими граждан.

Децивилизационный путь

Исторический социолог Норберт Элиас говорил, что для понимания уровня насилия в обществе надо обратиться к тому, какие коалиции обладают властью и есть ли среди них силы, заинтересованные в мирном развитии. К последним он в исторической перспективе относил феодальный двор, а затем крупную буржуазию и средний класс, которые являлись своего рода приводными ремнями «цивилизационного процесса», вытесняющего насилие из общественной жизни. Монополия государства на применение силы, как и монетизация и коммерциализация общества, лежали, по его мнению, в основе успеха цивилизационного процесса во многих европейских странах.

Но Элиас описывал и децивилизационный процесс. Анализируя приход к власти нацистов в Германии, он писал о том, что в этой стране в результате как длительных исторических процессов, так и национального кризиса после Первой мировой войны пришли к власти социальные слои, которые смогли «брутализировать» общество. Силы, не принимающие демократию, одержимые ненавистью и презрением к политикам Веймарской республики и жадной национальной реванша, одержали победу над слоями, которые придерживались иных, гуманистических и демократических взглядов и идей.

Прямые параллели в истории редко работают, и всё же можно сказать, что и в России в результате кризиса 1990-х к власти также пришли социальные группы, которые несли авторитарный и милитаристский этос. Именно эти группы и смогли задавить слабые ростки российской демократии. Мафиозно-силовой альянс, став новой элитой, не просто тормозил, а активно и сознательно сопротивлялся мирному развитию.

Развал Советского Союза привел к слому прежней социальной структуры и запустил новые процессы социальной мобильности. В ходе борьбы за советское наследство и

Дольче-бита

Как культура силовиков и «братков» среди элиты толкнула россиян в милитаристский угар

Contributor / Getty Images

“

Попав из битв 90-х сразу в кремлевские кабинеты, Владимир Путин и его окружение восприняли данную им государственную власть как личный инструмент контроля и обогащения. На близком этой группе языке они «поднялись»

”

Парни «поднялись»

капиталистическую собственность наверх стали подниматься «силовые предприниматели» — группы, успешно использовавшие ресурсы насилия.

Молодежные уличные группировки, бывшие спортсмены, ветераны Афганистана, разнообразные бандитские сообщества боролись между собой за власть и собственность на уровне улиц, районов, городов и целых регионов. Параллельно с ними (а часто и в тандеме) за ресурсы боролись и представители силовых структур, МВД и ФСБ. Постепенно и те и другие образовали коалиции, создали дружеские связи, разделяя схожие цели и подход к жизни.

Способы поведения, которые формировались в этой среде, были основаны на примате силы. При этом физическая сила применялась далеко не всегда. Задача взаимодействия с гражданскими — «лохами» и «коммерсами» — была в том, чтобы обосновать им необходимость платить «авторитетным» людям. А если приходилось применять насилие, то в нем оказывалась виновата сама жертва, которая не проявила достаточно уважения к хозяевам жизни, нарушила свои обязательства, не поняла расклада сил.

Попав из битв 90-х сразу в кремлевские кабинеты, Владимир Путин и его окружение восприняли данную им государственную власть как личный инструмент контроля и обогащения. На близком этой группе языке они «поднялись».

Демократия как хаотичный, плохо управляемый процесс была и непонятна, и не нужна этому слою. Более того, до прихода к власти и Владимир Путин, и члены его ближнего круга были персонажами второго ряда. Это были люди не слишком образованные, со шлейфом прежних неудач, с многочисленными обидами и комплексами. И хотя у многих из них в начале не было националистической идеологии и они даже могли считать себя западниками, они тем не менее постепенно и неизбежно пришли к национализму.

Как и в случае Гитлера и его сподвижников, националистическая идеология дает и власти, и массам чувство силы и превосходства. Месть демократам, «развалившим страну», а потом и реванш против Запада, по отношению к которому и

Путин, и его окружение чувствовали свою периферийность, назревали давно, оформившись в качестве четких намерений после протестов на Болотной площади и аннексии Крыма.

Мощь «Искандеров» за спиной

Много было написано и сказано о причинах поражения тех сил, которые могли бы противостоять децивилизационному процессу в России. Среди них было и отсутствие политического опыта у среднего класса, и растущая зависимость олигархов от кремлевского двора. Но, безусловно, значительную роль в поражении оппозиции сыграло присоединение Крыма.

Элиас писал о том, что военные победы Германии в конце XIX века привели к ослаблению демократических сил: «Победа немецких армий над Францией была одновременно победой немецкой [милитаристской] аристократии над немецким средним классом».

То же можно сказать о присоединении Крыма в 2014 году. Эта «победа», с восторгом воспринятая населением, была и победой силовиков над теми, кто мечтал о мирном развитии страны. Те, кто радовался тому, что «Крым наш», не понимали, что впереди большая война, обнищание и отнятие будущего у их детей и внуков.

С крымской победой, с «успешной» сирийской кампанией, дальнейшим накоплением военной мощи милитаристский этос и амбиции власти еще более усиливались. Как сказал накануне войны один из главных путинских идеологов, председатель Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов: «Просто вышел на поверхность процесс восстановления российской государственности, российского влияния, российской силы, который шел довольно долго... Сейчас по мере накопления сил, и в первую очередь военных сил, а также общего изменения в геополитической обстановке мы почувствовали себя вправе уже не просить, а требовать».

Ощущая за собой мощь «Кинжалов» и «Искандеров», российская верхушка была, наконец, готова к реваншу. Запад представлялся слабым противником, «терпилой», не способным к решительному сопротивлению. При этом война воспринималась и как способ окончательного вытеснения мирно настроенной буржуазии. Когда перманентная война становится основным способом существования российского общества, у силовой элиты не остается конкурентов.

Война в Украине явилась апогеем предшествующего процесса внедрения насилия в общественную жизнь и маргинализации сил, заинтересованных в мирном развитии. Вопреки ожиданиям начала 2000-х, российская власть стала заниматься не монополизацией, а повсеместной диффузией насилия. Эта деятельность простиралась от поддержки и использования националистических и парамилитарных групп, внедрения садистских практик — швабры и бутылки — в пенитенциарную систему до внесудебных расправ над журналистами и оппонентами. На нормализацию и распространение насилия повлияли и декриминализация семейного насилия, и милитаризация церкви, и прославление армии в детсадах и школах.

Возвращаясь к брутальным порывам и мечтам, распространившимся в российском обществе, можно сказать, что обнажившееся после начала полномасштабной войны слияние власти и народа вокруг насилия зрело давно. И уж тем более идущая сейчас война совсем не способствует смягчению нравов.

Илья Азар
корреспондент «Новой
газеты Европа»

31 января в Брюсселе, в здании Европарламента, прошел 5-й Форум свободных народов пост-России. Сепаратисты-эмигранты родом из разных регионов России — от Псковской области до Бурятии — обсуждали, как им ее развалить. Целый день участники форума под бдительным контролем организаторов из Украины и депутатов Европарламента от Польши и Латвии жаловались на геноцид прошлых лет и просили Запад помочь им вырваться из «тюрьмы народов». Но были и оригинальные предложения. Депутат Верховной рады объявил о проведении онлайн-референдумов об отделении Кубани, Калининграда, Сибири и Урала от России, а башкирский националист призвал собрать и обучить на деньги Запада армию, которая после разгрома России в Украине перейдет границу и освободит всех желающих от власти Москвы. Журналист Илья Азар съездил в Брюссель и воочию убедился в серьезности намерений беглых сепаратистов.

Илья Азар / «Новая газета Европа»

Участник форума разворачивает флаг Ичкерии

Продукты распада

Сепаратисты из национальных республик и регионов начинают демонтаж Российской Федерации: репортаж из Брюсселя

Геноцид и оккупация

Организовала заседание Форума на такой солидной площадке Фракция консерваторов и реформистов (ЕСР), у которой в Европарламенте сейчас 64 депутата (из 704). Это евроскептики и правые, в основном из Восточной Европы: наиболее солидно во фракции представлена правящая польская партия «Право и справедливость».

В качестве фронтвумен форума выступила Анна Фортыга, экс-глава МИД Польши в 2006–2007 годах, аккуратная немолодая женщина в белой блузке и черном пиджаке. «Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы Украина выиграла эту войну и прогнала захватчиков, вернула себе все территории, включая Крым», — сказала Фортыга, открывая заседание.

Первая панельная дискуссия ФСНПР была посвящена имперской идеологии России — от Ивана Грозного до наших дней. Рамку для дискуссии обозначил американский профессор Брайан Уильямс. В «Википедии» утверждают, что он работал на ЦРУ и, вообще-то, считается специалистом по Афганистану.

Уильямс показал собравшимся красочную презентацию с картами российской экспансии на восток, рассказал о том, сколько страданий принесли русские тувинцам, ногайцам, казакам, где Россия «систематически уничтожала тысячелетнюю культуру кочевников евразийских степей», и казакам, разрушив их «уникальную демократию». Везде, справедливо заметил Уильямс, приход России приводил к кровавой бойне и полному «краху местных обществ». Еще американский профессор продемонстрировал собравшимся картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Закончил Уильямс свое выступление рассказом о завоевании Россией Северного Кавказа, детально остановившись на ее борьбе с черкесами, которую он сравнивает с уничтожением индейцев американцами и считает геноцидом. Следом выступил Ахмед Закаев, говоривший по-русски (хотя

большая часть выступавших заранее подготовили речи на английском). «Менялись цари, генсеки и президенты, монархия сменилась большевиками, а потом псевдodemократией, но главная установка — покорить или истребить кавказцев — не менялась никогда», — говорил он. Кратко остановившись на борьбе шейха Мансура и имама Шамиля, Закаев подробно рассказал о Горской республике, возникшей на Кавказе после Октябрьской революции.

Это было не просто так. Закаев чуть погодя торжественно объявил, что к 105-й годовщине создания Горской республики он планирует «восстановить это государственное образование, воссоздать конфедерацию кавказских народов». «Есть уверенность, что мужественный и героический отпор украинской армии российским захватчикам и поддержка Запада сломает хребет российским агрессорам. Нам нужен демонтаж и переустройство России... исключительно важно вернуться к Горской республике», — сказал Закаев и напомнил, что «деокупировать Чечню» Украине помогают и воюющие на ее стороне вооруженные силы Ичкерии.

Самым эмоциональным выступлением насыщенного дня в Европарламенте стала речь Анвара Курманакаева,

представлявшего Ногайское движение (ногайцы — тюркский народ на Северном Кавказе). «Много сказали о геноциде, и я тоже хочу напомнить, что был и геноцид ногайского народа при Екатерине Второй. Уничтожили самое малое 500 тысяч ногайского народа, но это скрывается! Мы остались малым народом, ничего не решающим. Нас разделили на мелкие куски и отдали разным территориям, чтобы нас вообще было не слышно. Мы потеряли астраханское ханство! Астрахань уже 500 лет оккупирована», — рассказывал Курманакаев.

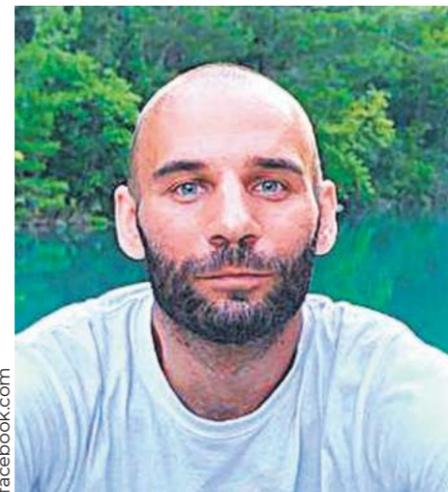
Он заявил, что в Астраханской области живут 200 тысяч ногайцев, и они хотят создать ногайское государство Астрахань, чтобы «наконец освободиться от гнета и нищеты».

Курманакаев настаивал, что коренным народам нужна свобода, приводя в пример русский народ, который привык жить в рабстве и даже придумать поэтому ничего своего не может: «Пушкин и Лермонтов переписали всё у коренных народов и выдали за свое, они ничего не создали». Курманакаев обратился ко всему миру, чтобы тот признал ногайский геноцид. «Ужас, что творили русские солдаты на нашей территории, они брали новорожденных детей и били их об

стену, а потом смеялись, что голова ребенка лопається, как спелый арбуз», — закончил он свою речь срывающимся голосом.

О геноциде, учиненном Российской империей и Советским Союзом, говорили также представители ингушей, татар, башкир, бурят, северных малочисленных народов и даже карелов. Все они, с горечью вспоминая прошлое, с надеждой смотрели в будущее.

Под крылом Украины

facebook.com

Олег Магалецкий

Парадоксально, но собрать вместе представителей народов, населяющих Россию, удалось украинцам. Сами свободные народы пост-России этого сделать то ли не смогли, то ли не захотели. «К сожалению, известный анекдот про то, что Россия не только не может жить без Украины, но и развалиться без Украины не может, действует», — сказал мне с усмешкой организатор ФСНПР Олег Магалецкий.

Продолжение ▶

Известно про него немного: он родился в 1989 году, активно участвовал в событиях на Майдане. По версии российского сайта Prigovor.ru, это он направил бульдозер на ряды ооновцев на Банковой улице в ходе одного из самых запоминающихся эпизодов первого этапа украинской революции. Сам Магалецкий рассказал мне, что помогал «прикатить бульдозер к линии соприкосновения», но потом, наоборот, участвовал в остановке машины, «чтобы та не принесла вреда срочникам». Потом Магалецкий воевал в АТО, где получил ранение. Занимается он, по его словам, стратегическим девелопментом, управлением, предпринимательством, маркетингом и продажами. О том, как ему удалось стать организатором ФСНПР, говорит туманно.

По словам Магалецкого, деньги на проведение форума (а его участники в Брюсселе жили в шикарной гостинице Radisson Red) дают то в Европарламенте, то частный украинский бизнес.

— Почему вы, украинец, вообще занимаетесь форумом народов пост-России? — спросил я Магалецкого.

— Украина не сможет выжить, если рядом будет империя, которая хочет ее уничтожить. Войну нельзя выиграть, только защищаясь, поэтому мы должны помогать народам и регионам, оккупированным Россией, но которые хотят жить как небольшие европейские страны. Это наш естественный союзник, поэтому надо актуализировать этот процесс. Мы хотим показать, что Россия — это не монолит и что в первую очередь демонтаж России выгоден ее жителям, — ответил тот.

Он не спорит с тем, что участники форума — не самые популярные в своих регионах политики, но видит в этом свои плюсы.

— Очень долго и системно спецслужбы России работали против общества в России, против пассионарной и разумной ее части. Кто-то уехал, кто-то ушел в зону комфорта, кто-то продался, и ядро нужно создавать заново. Это минус, но есть и плюс, потому что можно сделать его максимально конструктивным, — сказал Магалецкий.

На мой скепсис он реагирует так:

— 20 лет назад все смеялись над тем, как будут жить маленькие Литва, Латвия и Эстония, но сейчас уже не смеются.

Сепаратисты всех мастей

Кроме представителей национальных республик в Брюссель прибыли и сепаратисты из других регионов России. Флориан Шур требовал автономии для Калининградской области, попросив модератора называть ее столицей только Кенигсбергом. Евгений Бурсанидис, работавший в Греции экскурсоводом, представлял движение «Малиновый клин» и рассказывал про оккупацию Кубани в 20-х годах прошлого века. «Мы еще посмотрим, что будет лучше [для Кубани] — независимость или вхождение в состав Украины. Но это точно будет win-win для всех стран западного мира», — сказал Бурсанидис и начал расписывать богатства Кубани, как будто продавая ее будущим владельцам.

Петербуржец (в прошлом) Павел Мезерин рассказывал про волшебную страну Ингрию (она же Ингерманландия). «Русские в Калининграде, Москве или Сибири хотят свободы и заслуживают свободы. Помогите россиянам создать новые демократические государства», — прямо обратился он к депутатам Европарламента. Мезерин тоже рассказывал о достоинствах Санкт-Петербурга, читая английский текст по бумажке с сильным русским акцентом. «Ингрия — страна, а Санкт-Петербург — это национальность. Санкт-Петербург — жемчужина Европы, мы всегда были ее частью. Мы не хотим принимать участие в имперских войнах, Украина — часть Европы, и Санкт-Петербург — тоже! Мы хотим домой

в Европу, пустите нас обратно!» — таким эмоциональным призывом закончил свою речь Мезерин.

Обратился с воззванием к европейским политикам и Артем Тарасов (родом он из Пскова, живет в Германии). «Псковская республика была отдельным государством с совершенно отличной от Москвы системой, мы были одной из первых жертв России, но она не остановилась до сих пор. Псков должен стать независимой страной, навсегда покинуть Россию, вернуться на Запад к своим европейским братьям, от которых нас оторвали. Мы хотим жить с вами! Наша независимость от России будет выгодна балтийскому региону и всей Европе», — убеждал он европарламентариев.

демократической, хоть и высказывали опасения, что это через многие годы, действительно, может снова привести к войне. «Преемник Путина не будет [президентом США Томасом] Джефферсоном! Москва никогда не оставит свой имперский взгляд на западных соседей. Идея начала 90-х годов, что мы можем жить с Россией мирно, невозможна», — с широкой улыбкой и веселым тоном заметил американский внешнеполитический эксперт Люк Коффи.

Эти речи очень не понравились еще одному спикеру в этой панели — экс-депутату Госдумы Илье Пономареву: «Мы сидим в самом центре европейской демократии, но я слышу пораженческую идеологию: запрет России в коробочке, продержимся еще два

башкиры — двухмиллионный народ, колонизированный Москвой, а его давняя мечта — независимость. «Из-за российской политики скрытого и открытого геноцида, репрессий, этноцида и лингвоцида башкирский народ за 100 лет уменьшился в количестве. Только независимость Башкортостана может спасти мой народ от ассимиляции и растворения в русской массе», — говорил невысокий лысеющий мужчина в очках.

Габбасов с сожалением констатировал, что «большой Запад сегодня не заинтересован в распаде России и освобождении ее народов», и «как только ВСУ выбьет оккупационные российские войска со своей территории, тут война и остановится». Не стал

Продукты распада

Павел Мезерин

Артем Тарасов

Руслан Габбасов

Тарасов потом объяснил мне, что фактически представляет на форуме лишь себя и нескольких единомышленников из социальных сетей. Он исследователь из области права, имеет три диплома (два российских, один немецкий) и работает в гуманитарной сфере.

— Мы хотим, чтобы Псков был самым русским и православным регионом Балтии, но частью Европы, а не самой европейской частью России, — сказал он мне.

— А зачем? — наивно уточнил я.

— Чтобы он жил в другой бытовой и культурной системе, чтобы он не был частью Российской истории вообще. Это принципиальный вопрос, просто эти земли по истории и по духу — другие, они просто не должны быть в составе России!

— А псковичи-то поддерживают это? — удивился я, не заметив в ходе визитов в древний город признаков сепаратизма.

— Я не знаю, — честно ответил Тарасов. — Большинство-то просто не знают [о нас] — не достучаться до них. Но я знаю, что у людей [в Псковской области] есть региональная идентичность, и она сильнее, чем в других национальных регионах России. Но локальный патриотизм в Пскове не политический, можно сказать, что бытовой, но этот фундамент можно окрасить в политический цвет. Только для этого нужно информационно воздействовать на людей.

Европейский скептицизм

Участники последней панели «Политика Запада по отношению к России» были более прагматичны: они согласились, что Россия должна сохраниться, но стать

поколения, а потом она опять вылезет, всё будет плохо всегда».

Пономарев, называющий себя российским политиком, организовавший в Польше «теневой кабинет» (он сам это так называет) и готовящийся взять власть в России, обратился к делегатам съезда с воззванием: «Власть начинается не с того, что кто-то что-то на бумажке написал. Власть начинается в душе, власть — это дух, это самоощущение. Наши противники [в Кремле] уже ощущают, что власть исчезает из их рук. Пока еще есть вакуум, неясно, кто сменил их. Здесь [собрались] одни из претендентов, мы должны почувствовать, что мы можем это сделать», — говорил Пономарев.

Он напомнил, что винтовка рождает власть, и призвал помогать ВСУ и организовывать партизанское движение. «Нам необходимо всем вместе взять Москву, поэтому к 54 государствам в Рамштайне нужно добавить еще 34 региона из России. Вот это будет глобальная антипутинская коалиция! Ее лидер — Украина, и не надо этого стесняться, ведь Украина сейчас — главная революционная сила в России», — сказал экс-депутат Госдумы.

Интервенция башкир

Если татары в лице журналистки Юлии Файзрахмановой на форуме предложили создать татарский национальный батальон в рядах ВСУ, то башкиры пошли дальше (и это логично, ведь в украинской армии у них уже есть своя рота).

Один из создателей башкирской организации «Башкорт» (признана в России экстремистской) Руслан Габбасов, выступая в панели «Тюрьма народов», напомнил, что

башкирский националист преувеличивать и готовность участвовать в развале страны самих жителей России: «На местах народ в большей своей части подвержен пропаганде и поддерживает войну с Украиной».

Дальше Габбасов поставил ребром нависший над Форумом народов пост-России вопрос: «Как мы собираемся делать свои республики независимыми в таких обстоятельствах? — и продолжил: — Распад России начнется без нашего участия, к власти придут местные элиты, тесно интегрированные в российскую политическую систему, и поддержат их глубинный народ, и противостоять будет некому: оппозиция разгромлена, гражданское общество не сформировалось. Элиты эти перекараются в либералов местного разлива и противников Путина».

Но оказалось, что у Габбасова всё-таки есть план даже для такой, казалось бы, безвыходной ситуации. Во-первых, сформировать постоянно действующий Совет из представителей национальных и региональных движений при Евросоюзе, ведь «хорошим русским» (Габбасов в этот момент оторвался от листа бумаги и показал пальцами кавычки), которые говорят с европейскими чиновниками от лица всей России, «двухмиллионный башкирский народ не давал права говорить от его имени». Впрочем, кто и когда дал это право самому Габбасову, тоже неизвестно.

А во-вторых, по мнению Габбасова, «всей российской оппозиции нужно заключить союз и создать единую вооруженную армию, состоящую из сил национальных республик и регионов, чтобы после поражения России вооруженными и обученными Западом силами войти в страну и добиться ее поражения и полной ликвидации». По словам Габбасова, русские должны дать под

Thierry Monasse / Getty Images

контролем Запада гарантии, что потом отпустят всех, кто захочет выйти из состава РФ.

«Если российская оппозиция откажется, то мы займемся этим без нее», — пригрозил башкирский националист. Он уверен, что ядерная угроза, которой опасается Запад, в этом сценарии невозможна, потому что «по своей территории Кремль бить не будет». Мем про Воронеж Габбасов явно не слышал.

Призыв Габбасова никто не прокомментировал (Форум вообще был чередой однотипных выступлений), но я поймал Габбасова в кулуарах и спросил, не кажется ли тому слишком уж радикальным его собственное предложение.

— По-другому никак сейчас, надо переходить от слов к делу и не ограничиваться просто тем, что мы хотим независимости, — ответил Габбасов. Он признался и в расхождении с «переходным правительством» Ильи Пономарева: — Они хотят после победы каким-то своим правительством по каким-то своим законам и процедурам давать свободу регионам. Мы против этого! Мы считаем, что уже проголосовали в 1991 году за суверенитет и имеем право после падения режима сразу пойти на выход, — сказал он. — Народ сейчас в России имперски настроен, он ватный, — пожаловался мне Габбасов.

— В том числе и башкирский, — напомнил я ему.

— Да, но мы надеемся, что, когда мы будем подходить со своими вооруженными силами, часть поднимется изнутри одновременно. Но сами они не смогут. Зато когда увидят, что к границе Башкортостана подъезжают «Абрамсы», режим [главы Башкирии Радия] Хабирова падет. Это сейчас у него есть сила и его трудно сломать, но с помощью Запада, который должен профинансировать и обучить армию национальных республик и регионов, это можно сделать!

— Люди в России будут считать это интервенцией и пойдут защищать родину с тройными силами, — возразил я Габбасову.

— Нападать-то будут свои же! — не растерялся башкирский националист.

— Для них они будут как власовцы...

— По-другому никак. Либо наступает НАТО, либо мы сами.

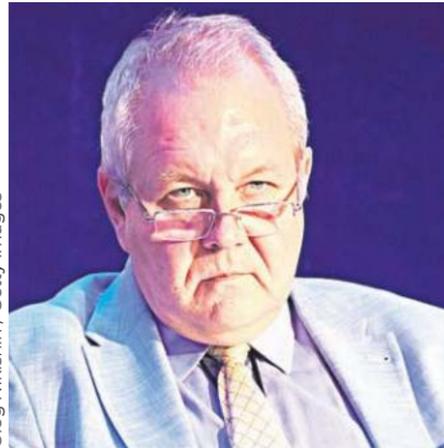
Русский взгляд

Казалось, что уж на форуме сепаратистов из Ичкерии, Татарстана и Башкирии русским националистам точно нечего делать.

Но я заблуждался. По видеосвязи в Европарламенте выступил Илья Лазаренко, солидный мужчина с длинной седой бородой. Представляет он проект «Республика Залеская Русь», в движении националистов — с начала 90-х, был осужден по печально известной «русской» 282-й статье, потом руководил изданием «Русская фабула».

«Когда произойдет военный разгром Российской Федерации, все поймут, что история России на этом кончилась, а в регионах начнется борьба за независимость и отказ от подчинения провалившемуся имперскому центру», — рассуждал Лазаренко.

По его мнению, война против Украины «парадоксальным образом» ведет к обо-

Oleg Nikishin / Getty Images

Владислав Иноземцев

“

— Все тут говорят: геноцид, геноцид, геноцид. Идите на Центральный вокзал к музею Магритта и посмотрите на отрубленные руки детей в Конго. Это было сделано бельгийцами. Это прекрасное европейское культуртрегерство? Ни фиги!

”

соблению этноса метрополии, то есть тех, кто считает себя русскими. «Они начинают осознавать себя как нечто отдельное. Процесс обособления великороссов приведет к пониманию необходимости создания для них государства-убежища, и после распада империи создание в центральной России такого государства для русских будет абсолютно необходимо», — сказал Лазаренко.

Националист отметил, что свободной демократической России не бывать, потому что нынешняя Россия по своей сути является континентальной империей и иначе жить не сможет.

Прекрасная конфедерация будущего

Белой вороной на форуме сепаратистов выглядел известный российский экономист и политолог Владислав Иноземцев. В своем выступлении он раскритиковал открывавшую форум речь американца Уильямса, назвав его тезисы «искусственными». Иноземцев напомнил, что в геноциде

можно обвинять как Российскую, так и европейские империи.

— Все тут говорят: геноцид, геноцид, геноцид. Идите на Центральный вокзал к музею Магритта и посмотрите на отрубленные руки детей в Конго. Это было сделано бельгийцами. Это прекрасное европейское культуртрегерство? Ни фиги! Это было и у немцев в Африке, а уж с тем, сколько истребили испанцы в Латинской Америке, никакая Чукотка рядом не стояла. Европейская экспансия была очень жестокой, да и американцы вырезали индейцев еще в 70-е годы XIX века. Не надо меряться, кто сделал больше [зла], нужно поставить точку и решить, что делаем дальше, — объяснил мне политолог позже.

Отличия России от других колониальных империй Европы Иноземцев видит в том, что, во-первых, Россия увеличивалась постоянно, а европейские империи — время от времени, для них это было как «сердцебиение», а во-вторых, колонии у европейских стран появились уже после того, как они стали национальными государствами, поэтому потери территорий для них не столь болезненны.

Иноземцев объяснил свое неожиданное появление на Форуме тем, что его уговорили приехать организаторы от Европарламента.

— Я им много раз говорил, что абсолютно не верю в возможность развала России, но они сказали, что можно будет говорить, что хочу, — объяснил Иноземцев. Отрицает эксперт и возможность интервенции: — Россию можно выгнать [он напомнил примеры Финляндии или Японии], откуда она пришла, но завоевать ее нельзя.

По мнению Иноземцева, Форум существует только благодаря усилиям украинского руководства.

— Я нигде не видел такого количества вопросов про распад России, как в Киеве еще до войны. Я всегда отвечаю: «Да никогда Россия не распадется, [участники Форума] давно уехали из страны и, естественно, будируют эту тему. Национализм небольших народов понятен, и его невозможно осуждать. Я за то, чтобы в Башкирии учили башкирский, вообще максимальная автономия — это свойство любой вменяемой империи, — сказал политолог.

Он полностью согласен с тезисом, что Россия «была империей, есть и будет, и с этим нужно что-то делать, потому что это большая проблема для мира». По мнению Иноземцева, если пограничные территории — Чечня, Ингушетия или Тува — захотят уйти, то никто в России не расстроится.

Онлайн-демонстрация

То, что Запад по-прежнему «умывает руки» и именно Киев является мотором Форума свободных народов пост-России, было ясно не только благодаря фигуре Магалецкого. Неспроста организаторы из Европарламента избегали всякой дискуссии: из-за обилия спикеров времени на споры на форуме вообще не было. Несколько вопросов удалось задать зрителям только в конце панели депутата Златовски. Ответы были беспомощны.

Журналистка из Украины уточнила у собравшихся, что делать с ядерным оружием в случае разделения России. Австриец Фелингер рассказал, что вырос в страхах холодной войны, что мир может быть уничтожен, но неожиданно вырвался на то, что россияне тоже хотят жить, ядерное оружие передадут новому Центрально-российскому государству, «мир будет защищен, и всё будет хорошо».

Другой украинский гость мероприятия, с наклейкой Russian Warship Go Fuck Yourself на ноутбуке, представился сотрудником НКО Promote Ukraine и напомнил, что все хотят победить руками и кровью украинцев. «Но кто будет платить Украине репарации, кто будет юридическим преемником России?» — спросил он. Златовски замялся: «Это очень важный вопрос, но боюсь, мы сейчас ответить на него не можем».

Стало ясно, что европарламентарии к серьезным вопросам не готовы, им просто хочется заявить о себе, как о главных борцах с Россией.

На следующий день после форума в телеграм-канале ФСНПР появился видеоролик, в котором три участника объявляют о грядущем волеизъявлении: «Пришло время реальных изменений. Мы обращаемся к землякам с просьбой участвовать в референдумах и сказать свое твердое “да” независимым Кенигсбергу, Ингрии, Уралу, Сибири и Кубани! Хватит кормить Москву! Хватит дохнуть за Кремль! Выход только один — голосуй за Независимость своих республик! Выбирай счастливое будущее для себя и своих детей!»

Автор телеграм-канала ФСНПР выложенный ролик прокомментировал так: «Вот и начался демонтаж империи!» И это милое преувеличение лучше любого подробного репортажа исчерпывающе характеризует прошедший в Брюсселе сход сепаратистов.

АЛЕКСАНДР КРАСНЕР,
главный редактор,
генеральный директор
«Новой газеты — Казахстан»

Совершеннолетние

18 лет «Новой газете — Казахстан», которая даже теперь сохраняет дух легендарной редакции

После того, как мне пришлось расстаться с «Комсомольской правдой», региональный выпуск которой я почти десять лет издавал в Казахстане, я стал подумывать об аналогичном проекте.

Вспомнил, что у «Комсомолки» есть «родственница» — «Новая газета», которая фактически вышла из «ее шинели»: в конце 1992 года коллектив главной молодежной газеты страны разделился на «коммерсантов» и «творцов», и последние (Кожеуров, Муратов, Кушнерев, Ерошок, Сабов, Никитинский, Муртазаев, Микеладзе) после шумного исхода из «Комсомольской правды» решили создать собственную газету.

Мне был близок их подход: коллеги хотели сделать газету честной, независимой и влиятельной. Как выяснилось позже, они забрали с собой из «Комсомолки» и легендарный «дух 6-го этажа»: редакционное братство, взаимовыручку, безудержное творчество и отсутствие всякого пиетета перед властями.

Я поехал к ним в Москву, встретился с Сергеем Кожеуровым и Дмитрием Муратовым. Предложил им издавать региональный выпуск «Новой» в Казахстане. Они согласились и признали целесообразным опыт «Московского комсомольца», когда из ежедневных номеров московской газеты в регионе формируется свой еженедельник. Формат оказался очень эффективным: во-первых, в номер, как правило, попадали самые «забойные» материалы ежедневных выпусков, во-вторых, увеличивался срок реализации газеты в сетях распространения и в-третьих, образовывался солидный запас из так называемых «вечнозеленых» — то есть нестареющих — публикаций Юрия Роста, Александра Гениса, Алексея Тарасова, Сергея Мостовщикова, Веры Челищевой, Елены Милашиной, а также обложек в исполнении Петра Саруханова.

Этот «золотой запас» и выручил нас в прошлом году, когда после начала войны в Украине московская редакция под беспрецедентным давлением российских властей сначала была вынуждена приостановить, а потом и фактически прекратить издание бумажной «Новой газеты».

Благодаря этому запасу мы смогли продолжить издание «Новой газеты» в Казахстане в том виде, в каком она выходила из печати в Москве. И посчитали принципиальным оставить на последней полосе те выходные данные, которые были в газете на момент ее приостановки, в марте прошлого года. Это своего рода мартиролог.

Позже, на счастье нам, появились сайты «Новой газеты Европа» и «Новой рассказ-газеты», а также сайт «Свободное пространство»: их материалы теперь вкуче с нашими и оставшимся еще «золотым запасом» дружно соседствуют под «крышей» (то есть под теми самыми обложками Петра Саруханова) «Новой-Казахстан».

Так что бумажная «Новая газета» в своем классическом виде жива. И мы в Казахстане — своего рода хранители ее очага. Уже 18 лет.

Символично, что и дни рождения у нас оказались рядом: у «Новой» в Москве — 1 апреля, у «Новой-Казахстан» — 31 марта, а у «Новой-Европа» — 7 апреля.

Ну, и немного о достижениях за 18 лет. Наши авторы — Аркадий Дубнов, политолог и эксперт по странам Центральной Азии; Вячеслав Половинко, редактор «Новой газеты Европа»; Виталий Волков, обозреватель DW; журналисты Жумабике Жунусова и Амантай Дандыгулов в разные годы становились лауреатами премии Союза Журналистов Казахстана за публикации в «Новой газете - Казахстан». Этого же звания были удостоены и Сергей Кожеуров с Дмитрием Муратовым - за данный проект. А я за «Новую газету-Казахстан» был признан лучшим редактором 2013 года в республике.

В Казахстане, несмотря на все усилия властей, прошли огни из самых массовых акций протеста за последние двадцать пять лет. Корреспондент «Новой-Казахстан» и еще более десятка журналистов по всей стране были задержаны

Скриншот с сайта Радио Азаттык

Нарушение режима

21 мая в Казахстане прошли массовые акции протеста против передачи земли в частную собственность иностранцам. До этого целый месяц общество было взбудоражено новостью о том, что с 1 июля в стране начнутся аукционы, на которых земля будет передаваться в аренду иностранцам на 25 лет (до этого момента — на 10 лет). После серии митингов, прошедших с 24 апреля по 1 мая в разных регионах страны из-за страха перед возможным нашествием китайцев (ситуация воспринимается в Казахстане только так), президент Нурсултан Назарбаев наложил вето на нормы Земельного кодекса до 1 января 2017 года и создал комиссию по земельной реформе. Однако митингующие в большинстве своем посчитали, что комиссия нелегитимна, и пообещали выйти на общенациональный митинг 21 мая.

В ответ власти стали задерживать активистов (перед 21 мая число схваченных составляло около 40 человек) и начали масштабную информационную кампанию. За день до митинга в Алматы на площади Республики, просматриваемой камерами со всех сторон, нашли схрон с аккуратно нарезанными кусками арматуры, гранатами, пистолетами, коктейлями Молотова, патронами и пятью миллионами тенге. А в вечернем эфире ведущие практически всех каналов чуть ли не как мантру повторяли, что ходить на митинг не надо, иллюстрируя это кадрами из революций в Киргизии, Украине и Ливии. Дальше всех пошел «Первый канал Казахстана», который в эфире спросил: «А вы знаете, как пахнет паленое человеческое мясо?»

Не помогло. В субботу 21 мая, около 11 часов утра по алматинскому времени, в разных городах страны на площадях стали собираться люди. В Алматы — традиционно оппозиционном городе — властями уже с 8 утра была перекрыта площадь Республики. Но люди начали кучковаться на параллельных улицах и вставать рядом с оцеплением. Несколько мужчин среднего возраста

пытались наладить диалог с полицией (выходило не очень хорошо, полиция их игнорировала). Среди пришедших — сначала их было около 50 человек — были и женщины, но они тем более старались держаться поодаль от полиции.

Примерно в 11:20 количество людей стало резко увеличиваться и в считанные минуты выросло минимум до сотни (полиция данных не давала, радикальная оппозиция утверждает, что в одном только Алматы вышло около 3000 человек). Через несколько минут к толпе подъехали два автозак, и выскочившие оттуда люди в масках врезались в людей, вытаскивая первых попавшихся под руку мужчин. Это вызвало противодействие со стороны толпы: несколько человек бросились товарищам на выручку. Люди сопровождали это действие криками «Жер сакты!» («Сохраним землю!») и «Ни хао!» («Привет!» по-китайски).

Это сильно разозлило спецназ, и они, затолкав «добычу» в автозаки, начали гоняться за другими активистами. Нескольких удалось задержать, остальные отбежали на безопасное расстояние. Тогда полиция сменила тактику: встав в «живую шеренгу» во весь тротуар, полицейские стали оттеснять пришедших митингующих на соседние улицы — и люди мирно отошли, распевая при этом гимн Казахстана. Однако, как оказалось, это была не более чем уловка: через квартал к митингующим подъехал автобус с надписью «Дети», откуда высыпали полицейские со щитами, в шлемах и бронежилетах.

— Ни хао! — опять закричала толпа.

В этот момент снова активизировался спецназ: им словно поступила команда «вязать» вообще всех. Любого, кто отбивался от преследуемой толпы, спецназовцы хватали и волокли в автозак. Я на секунду отстал от основной массы журналистов и тут же был взят в тиски четырьмя омоновцами, которые не очень вежливо затолкнули меня в автобус, ударив лицом о полицейский щит. Спустя максимум пять минут полицейский «пазик» был уже полон: среди задержанных

Восставшие из-за земли

Вячеслав Половинко

специально для «Новой газеты — Казахстан»

Этот материал вышел на сайте «Новой газеты Казахстан» 21.05.2016 года

были женщины, пожилые люди, несколько журналистов. Быстро тронувшись с места, автобус проехал пару кварталов и снова остановился.

Рейсовый автозак

По всей улице Абая (одна из крупнейших в Алматы) шли задержания людей — в том числе и тех, кто с митингом вряд ли был связан. На моих глазах был задержан велосипедист, ехавший мимо: его вместе с велосипедом тоже закинули в автозак.

— Нет, послушайте, — внезапно раздался чей-то голос в автозаке, — зачем вы нас держите? Зачем вы нас стравливаете? Никогда такого не было, чтобы казахи шли на казахов. Что вы тут устраиваете?

— Я вообще пришла получить свои 150 долларов (о том, что митингующим платят «коварный Запад», сообщил «Первый канал Казахстана». — В. П.), — заявила одна из задержанных женщин. — Где они? Я тут ни одной кассы не вижу!

Автобус взорвался хохотом. Омоновцы равнодушно уставились на людей сверху вниз.

К «пазику» подъехал снятый с рейса пассажирский автобус — и всех начали переводить туда, образовав коридор из спецназовцев.

В итоге большой автобус был забит полностью, а всего автобусов было не менее трех (в каждом — от 50 человек задержанных). Сопровождали задержанных трое омоновцев, за рулем оставался водитель из местного автопарка.

Толпа, понимая, что деваться уже некуда, развеселилась окончательно. Все достали мобильные телефоны и стали напевать гимн страны. Затем гимн сменился речевками.

— Да здравствует полицейское государство! Да здравствует полицейское государство! — крики сопровождали аплодисментами.

Из едущих мимо машин высунулись любопытные пассажиры с мобильными телефонами в руках.

Автобус остановился на перекрестке на красный сигнал светофора. В ту же секунду из автобуса через маленькое окошко на улице в буквальном смысле вытек человек лет 45–50 в темно-розовой футболке и панаме. Спустя мгновение он уже перебежал через дорогу и скрылся во дворе. Трое омоновцев, стоящих в автобусе вместе со всеми, равнодушно проводили беглеца взглядами. Толпа радостно заулюлюкала.

— В принципе, нас 50, их трое, — задумчиво сказал один из мужчин рядом с корреспондентом. — Можем быстро их скрутить и забрать автобус.

Предложение поддержки у окружающих не нашло. Вместо этого все начали предполагать, куда их везут (оказалось, в самое дальнее РОВД), а затем делиться своими мыслями относительно дальнейшей судьбы страны.

— Это начало конца, — убежденно произнес потенциальный «захватчик» автобуса. — Я сам с села, у нас есть правило: если кто-то из родных в реке тонет, помогать нельзя. С собой утащит. Вот и нас правительство сейчас так тащит на дно. Это животный страх — и ничего больше.

— Это у россиян учатся, — заявил пожилой мужчина интеллигентного вида в очках. — У них там тоже всех жестко прессыют.

Не агрономы, а нарушители

Автобус подъехал к РОВД. Проведя всех снова через коридор из омоновцев, полицейские разместили часть людей в открытой клетке «обезьянника», а затем начали разбираться. Стоит отметить, что в отделе полицейские вели себя достаточно вежливо, идя на многие уступки задержанным.

Со мной разговаривал не представившийся по форме капитан полиции. Он повертел в руках рабочее удостоверение журналиста, записал данные, попробовал взять объяснение, а затем попробовал начать беседу «за жизнь».

— Вот вы как гражданин как считаете? Эти люди правильно вышли на площадь? — спросил он.

— Я не могу отвечать как гражданин. Я журналист, я должен быть нейтрален.

— Нет, ну вот не для протокола скажите, что вы думаете, — не отставал капитан.

— Я считаю, что даже хоть митинг был и несанкционированный, реакция власти была на это неадекватна.

— То есть вы считаете, что не надо было выходить им на площадь? — обрадовался капитан и не дал ответить. — А те, кто вышел на площадь... есть же закон о митингах. Сюда же вышли не агрономы. Это же нарушители!

— Вы, вообще, как, политику государства в части земельного вопроса поддерживаете? — уточнил капитан, глядя мне прямо в глаза.

— Я отношусь к этому вопросу нейтрально, так как на земле никогда не работал.

— Вот! Вы говорите, как нормальный человек! — обрадовался капитан еще раз, сделал короткий звонок кому-то и отпустил меня, извинившись за неудобства.

Всего по стране было задержано больше 20 журналистов — как казахстанских и вполне лояльных СМИ, так и филиалов российских изданий (среди них «Интерфакс», РИА Новости и RT). Новый министр информации и коммуникаций Даурен Абаев пообещал разобраться, и спустя несколько часов МВД Казахстана заявило, что задержание журналистов — это «недоразумение».

Итоговое количество вышедших на митинги по Казахстану еще подсчитывается, можно лишь сказать, что в одном Алматы задержанных не менее 200 человек. В Атырау, откуда пошли самые первые митинги 24 апреля, на зданиях вокруг центральной площади журналисты сфотографировали найперов. В стране были заблокированы сайты либеральных СМИ — радио «Азаттык» и «Уральская неделя». С переборами работал ютуб.

Заявлений от президентской администрации пока не поступало, однако, объявляя мораторий, президент Назарбаев сказал, что к «провокациям будут приниматься самые жесткие меры». Однако сразу несколько крупных правозащитных организаций осудили произошедшее в стране. Но жители, не вышедшие на улицы, об этом вряд ли узнают, поскольку основную информацию они получают от телеканалов, представителей которых точно не задерживали, и от государственных информагентств, которые вообще проигнорировали тему митингов. У них другие заботы: находящееся на обеспечении у государства агентство BNews.kz одной из главных тем поставило новость «В Костанайской области проходит акция «Веселые скворечники»».

Перспектива

Попытки принять «закон об иноагентах», подобный российскому, предпринимались в Казахстане неоднократно. Его пытались внедрить по частям. В 2015 году, после принятия законодательных поправок, 57 неправительственных организаций обязали предоставлять правительству обширную информацию о своих сотрудниках, активах, спонсорах и деятельности. Невыполнение могло привести к штрафам и временному приостановлению деятельности. То есть власти, по сути, не навешивая ярлык «иноагента», оказывают давление на НПО финансовыми методами, внимательно отслеживая их отчетность.

Затем, в декабре 2020 года, ЦИК вынесла постановление о том, что в уставах общественных организаций должно быть прописано в качестве деятельности наблюдение за выборами. А в июле прошлого года на портале «Открытые НПА» началось публичное обсуждение поправок в закон «О выборах», по которому у ЦИК должно быть право аккредитовывать, отказывать в аккредитации либо аннулировать аккредитацию общественных объединений и некоммерческих организаций. Поводом может стать наличие иностранного финансирования.

Спору нет, любое государство должно противостоять внешним угрозам, в том числе и тем, что не носят характер прямой военной агрессии. Невозможно допустить, чтобы та или иная страна беспрепятственно вела пропаганду, которая бы вредила основам государственности, независимости, целостности территории, внутриполитической стабильности чужой страны. Добавьте сюда особенности современной гибридной войны, в которой влияние на умы и настроения граждан извне становится определяющим фактором: это те же самые идеологические беспилотники, которым неведомы формальные границы, а последствия их проникновения в страну и сознание граждан опасней, чем разрушения объектов инфраструктуры.

Дурной закон заразителен

Появятся ли в Казахстане свои «иноагенты»

В этом смысле определенные правовые препоны на пути идеологических диверсий необходимы. Но они ни в коей мере не должны служить оправданием для ограничения прав и свобод граждан.

Но посмотрите, какие двойные стандарты действуют в наших суровых реалиях, законодательство и практику которых определяет действующая власть.

В ряде близких к Акорде информационных ресурсов, включая одиозно известные телеграм-каналы, усиленно муссируются тенденциозные слухи о целях и задачах финансирования НПО и СМИ извне (но исключительно из стран Европейского Союза и США). В общественное сознание активно внедряется мысль о том, что эти организации, информационные ресурсы и отдельные персоны спят и видят, как низвергнуть государственные устои Казахстана и нанести ущерб его стабильности.

Одним словом, у нашей власти налицо желание дискредитировать саму идею открытой транспарентной помощи гражданскому обществу со стороны авторитетных международных институтов. Акцентируя внимание общественности на этом сегменте «влияния извне», она в то же время закрывает глаза на более мощные, но не афишируемые действия других стран, которым подвергаются умонастроения казахстанцев. Общеизвестна деятельность околоремлевских квазигосударственных и общественных организаций по расширению «русского мира» на территории суверенного Казахстана — например, то же Россотрудничество.

Никто не против культурного взаимодействия, но когда соседняя страна с подачи ее президента, «защищая права русскоязычных», развязывает войну против своих же собратьев, казахи, наученные горьким историческим

опытом, вправе с определенной долей подозрительности и опасения смотреть на милитаристский характер этого самого «русского мира».

Не менее активно другой наш великий сосед через казахстанские СМИ пропагандирует прокитайские ценности, щедро финансируя не только свои специальные вклады в них, но и организовывая для сотрудников ряда редакций регулярные инфотуры в КНР.

И все эти инициативы нашей властью не признаются «влиянием извне» — наоборот, судя по всему, приветствуются на самом высоком уровне.

Выходит, критика Акорды избирательна: под нее (пока опосредованно) попадают только демократически настроенные НПО, которые отмечают возрождение авторитаризма, нарушения конституционных прав и свобод граждан. Зато пророссийские или китайские идеологические бенефициары не напоминают нашей власти о неудобных для нее темах.

Что ж, авторитарные вороны друг другу глаз не выключают. К тому же, учитывая нынешнюю геополитическую ситуацию, нетрудно предположить, что антизападные настроения в Казахстане формируются не без помощи Кремля.

Наша общественность восприняла эту инициативу через призму подобных новаций соседней России. Все знают, как жестко наказывают в РФ за правду о войне. И казахстанцы, которые в курсе того, что наша страна пока плывет в фарватере России, вправе опасаться внедрения таких (и других!) новаций в наше законодательство. «Всё передается от человека к человеку, кроме перелома костей» — гласит казахская поговорка.

Амиржан Косанов, политик

Балтийская точка на карте «Новой»

Если мы сможем переубедить хотя бы одного человека — значит, всё не зря

В странах Балтии живут тысячи русскоязычных людей, разделяющих европейские ценности и поддерживающих свободу и демократию. Среди них — русскоязычные граждане Литвы, Латвии, Эстонии. Россияне, многие из которых уехали из-за несогласия с политикой Путина. Белорусы, вынужденные покинуть родину после протестов 2020 года. Украинцы, бежавшие от войны. Мы верим, что именно ценности могут и должны объединять людей. Если мы против войны, репрессий, обезумевших автократов и их людоедской политики — то какая разница, какого цвета у нас паспорта?

К сожалению, страны Балтии давно и плотно находятся в фокусе российской пропаганды. «Нищая Прибалтика, шавки НАТО, задворки Европы» и прочий бред о Литве, Латвии и Эстонии — это тот типичный набор фраз, как прокремлевские СМИ называют регион. Одна из наших целей — противостоять пропаганде,

рассказывая о жизни в странах Балтии от первого лица и на русском языке. Наши авторы — это люди, которые родились здесь или живут в Балтии многие годы и хорошо знают регион.

К сожалению, в Балтии есть и те, кто верит в пропагандистские нарративы — и если за время нашего существования хотя бы один такой человек прочитал наш материал, задумался, что может быть не прав, то мы работаем не зря, как бы громко это ни звучало.

«Новая газета» во всем мире известна как защитник демократии и прав человека. После начала войны власти России аннулировали лицензию газеты, но не смогли и не смогут уничтожить само издание. Мы гордимся работой наших коллег на платформах в России, Европе, Казахстане, и уверены, что наша редакция вносит свой вклад в распространение человеческих ценностей.

ЯНА ЛЕШКОВИЧ,
главный редактор «Новой газеты. Балтия»

Мария Кугель
корреспондент
«Новой газеты. Балтия»

Недозащищенные мигранты

Защита прав вынужденных мигрантов — не главное поле деятельности RPF. Основное направление работы организации — стратегические дела в договорных органах по правам человека, которые касаются Беларуси. Поэтому у этой информации есть очень ценное качество: она подана белорусской командой противников режима Лукашенко, с белорусской точки зрения и на белорусских материалах. Ведь до сих пор латвийские власти, отвергая обвинения правозащитников в грубом нарушении прав мигрантов на границе, пытках, произвольных заключениях под стражу и даже, возможно, насильственных исчезновениях людей, заявляют, что всё это сфабриковано лукашенковской пропагандой.

Никита Матющенко говорит:

— Мы фокусируемся на недозащищенных мигрантах. Это люди, которые не интересуют никого. В отличие от беженцев из Украины, на которых выделяются какие-то ресурсы, финансирование, в том числе на юридическую помощь, на граждан Ирака, Афганистана, Африки почти ничего не дают. И мы заметили, что правозащитники берутся за их дела менее охотно. Речь идет не только о Латвии, это выводы из общения с коллегами по всему кризисному региону: и в Польше, и в Литве.

Анна добавляет:

— Это люди, которые подвергаются расовой дискриминации. В опубликованном в октябре докладе Amnesty International по Латвии к ним применяется термин *pop white*, «небелые». Если ты недостаточно белый, ты уже находишься в группе риска в ситуации, когда ты просишь убежища.

Распоряжение № 518

Напомним предысторию. В ответ на массовые репрессии против белорусов, протестующих после сфальсифицированных выборов в 2020 году, Евросоюз ввел санкции в отношении белорусского режима. В свою очередь, в ответ на эти санкции Минск отказался охранять границу с ЕС и соблюдать национальное миграционное законодательство, одновременно содействуя незаконному пересечению границы гражданами третьих стран, в первую очередь из Ирака и Афганистана.

Правозащитная организация Respect-Protect-Fulfill, базирующаяся в Литве, ведет в ЕСПЧ дело «Х. М. М. против Латвии», в котором 26 заявителей — граждан Ирака. Заявители обвиняют Латвию в том, что государство длительно и грубо нарушало их права на границе с Беларусью и в центре для задержанных иностранцев в Даугавпилсе. Официальные власти Латвии уже больше года упорно отрицают приведенные факты. На открытом онлайн-мероприятии юрист Никита Матющенко и юристка под конспиративным именем Анна рассказали «Новой газете — Балтия» о том, как Латвия обращалась с вынужденными мигрантами.

Этот материал вышел на сайте «Новой газеты. Балтия» 3 декабря 2022 года

Недостаточно

26 граждан Ирака подали иск в ЕСПЧ против Латвии. Они обвиняют страну в нарушении прав и жестоком обращении

Задokumentировано множество случаев, когда белорусские власти принуждали людей нелегально переходить границу. И, как правило, они не позволяли вернуться в Беларусь тем уже обессиленным и избитым мигрантам, которые пересекли границу Польши, Латвии или Литвы и были выдворены местными пограничниками.

— По статистике латвийских органов, с 1 января по 9 августа 2021 года границу Латвии со стороны Беларуси незаконно пересекли 352 человека, — рассказывает Никита Матющенко. — 10 августа Распоряжением № 518 власти Латвии ввели режим чрезвычайной ситуации в приграничных областях, который с тех пор постоянно продлевается. Сейчас он очередной раз продлен до 10 февраля 2023 года.

Кабинет министров разрешил латвийским пограничникам и другим силовым структурам немедленно возвращать людей в страну, из которой они прибыли (то есть в Беларусь), без соблюдения каких-либо формальных процедур и санкционировал применение силы и спецсредств с целью принудить их покинуть Латвию. После этого и вплоть до середины апреля 2022 года в страну попали 156 человек. Им разрешили пребывание в Латвии «по гуманитарным основаниям».

Что это за основания, латвийские законы не уточняли, то есть решение было отдано полностью на усмотрение пограничников. По статистике, в Латвию выпустили семьи с детьми или очень больных людей.

При этом общая статистика по всем трем странам, затронутым кризисом, гласит, что на 24 ноября 2021 года в страны Балтии незаконно попал 7831 человек. На долю Латвии приходится совсем немного. Возможно, именно поэтому ситуация на границе с Латвией не снискала внимания со стороны СМИ и не получает его до сих пор.

По статистике латвийских властей, с 10 августа 2021 года по 27 марта 2022 года более шести тысяч человек пытались пересечь границу. Правда, позже власти признались, что считали попытки, а не людей.

— Читая новости, сторонний наблюдатель мог подумать, что латвийскую границу штурмуют тысячи человек, — рассказывает Анна. — Например, сообщалось: «Сегодня латвийские пограничники не пустили в страну 150 мигрантов». На следующий день докладывали о 160 нарушителях. Однако, скорее всего, это были те же люди, что и вчера, плюс десяток новичков. Возможно, их было и меньше, потому что они пересекли границу туда и обратно несколько раз за сутки. При этом латвийские

власти утверждали, что не идентифицируют их личности. Всю статистику создавали несколько десятков человек. Очень редко кому удавалось уйти обратно в Беларусь. Работая над делами наших клиентов, мы собрали контакты 80–90 человек. Исследовательница Александра Елкина считает, что с августа по март в лесу на границе разное время провели 230–250 человек. И это искусственное нагнетание, накручивание приводило к обезчеловечиванию мигрантов.

Исчезнувшие заявители

— ЧС была введена 10 августа, и до 24 августа в трех местах на границе скопились большие группы мигрантов из разных стран, в основном из Ирака, — рассказывает Никита Матющенко. — Их не пускали ни в Беларусь, ни в Латвию. В такой ситуации люди жили две недели под открытым небом. У нас есть несколько фото, сделанных возле столба № 216. На фото видно, что позади мигрантов стоят белорусские силовики без опознавательных знаков и в масках, а перед ними — латвийские пограничники. По договору о разграничении территорий, между латвийскими и

белорусскими столбами должно быть 10 метров. То есть пять метров от латвийского белого столба — это территория Латвии. Так же дело обстояло и в двух других местах, где скопились люди. Одной группе удалось связаться с волонтерами, правозащитниками и журналистами, и 24 августа к ним должна была приехать делегация Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Но рано утром 24 августа лагерь ликвидировали.

RPF в своей доказательной базе использует материалы белорусского погранкомитета. Хотя очевидно, что это часть государственной пропаганды, эти фото и видео

в большую оранжевую армейскую палатку, которая стояла в латвийском лесу.

Это была одна палатка на десятки человек, которые в ней спали на тюфяках. Ее часто перевозили с места на место, чтобы спрятать понадежнее. Каждое утро в два-четыре часа людей поднимали, «коммандос» на разных машинах (минивэнах с затемненными стеклами и без номеров) развозили их к разным пограничным столбам и выталкивали на территорию Беларуси. Там они наткнулись на белорусских пограничников, которые разворачивали их обратно. Они возвращались, и через какое-то время за ними приезжали черные мини-

белорусские пограничники им что-то приносили, кто бесплатно, кто за деньги (один из заявителей говорил о 10 евро за картофелину). Никакого душа, никакой возможности поддерживать гигиену не было.

— Когда я об этом узнал, я даже сразу не мог поверить, — признается Никита Матющенко. — Помню, первое, что я спросил: «Как вы вообще выжили в лесу?» Интересную практику мы обнаружили у белорусских силовиков, которые задерживали мигрантов после того, как их из Латвии возвращали в Беларусь. Они документировали выдворения: фотографировали людей и отправляли фото начальству. Некоторые

случайно засекали белорусские пограничники при патрулировании и начали снимать. После этого мигрантов отвели в глубь территории Латвии, посадили в машину, отвезли на другой участок границы и всё же выдворили. На этом видео один из заявителей опознал себя.

Есть свидетельства, что латвийские пограничники и «коммандос» избегали съемки белорусскими коллегами, опасаясь, что нелегальные пушбэки и прочие нарушения прав мигрантов будут задокументированы. В том числе по этой причине менялось месторасположение палатки. От имени человека, узнавшего себя на видео, RPF готовит жалобу в латвийскую прокуратуру.

Предоставлено организацией Respect-Protect-Fulfill

Беженцы в суде

В конце марта Резекненский районный суд признал незаконным отказ от регистрации прошений об убежище, и в Распоряжение № 518 было внесено изменение, согласно которому мигранты могут подать прошение об убежище в официальных пунктах пересечения границы и в даугавпилском центре.

Но юристы PRF подчеркивают, что ситуация непосредственно на «зеленой границе» в лесу от этого фактически не изменилась. Там по-прежнему появляются люди, и латвийские власти продолжают публиковать статистику о том, что они кого-то не пустили в страну. Права этих людей защитить невозможно, потому что у правозащитников нет с ними контакта.

PRF ведет также несколько дел мигрантов против Польши в Европейском суде.

— Мы видели выдворения в Литве и Польше, но только в Латвии людей по семь месяцев держали в лесу без связи с родственниками, не признавая, что они там находятся, без еды, средств гигиены, минимальных удобств, — говорит Никита Матющенко. — На мой взгляд, ответ латвийских властей на кризис на границе был, пожалуй, самым жестким.

Он подчеркивает, что пытки и произвольное лишение свободы — это серьезное преступление против прав человека и беженца. По словам Матющенко, информации от заявителей очень много, и PRF подготовила еще несколько обращений в официальные органы. Самое главное — отправлен отчет в Комитет против пыток.

— Когда Латвия будет отчитываться по соблюдению конвенции о неприменении пыток, сведения об этом отчете будут приняты комитетом во внимание, и, возможно, властям Латвии зададут соответствующие вопросы, — говорит юрист.

Для трех граждан Ирака подготовлены жалобы в Генеральную прокуратуру.

— Сейчас латвийские власти полностью отрицают проблему, заявляя, что жалоб от мигрантов не поступало, — говорит Анна. — Эти уголовные дела по крайней мере отнимут у них такую возможность.

Никита Матющенко добавляет, что уже как минимум один человек подал жалобу в латвийские органы в сентябре, и недавно ему отказали в возбуждении уголовного дела, заявив, что преступлений не было.

— Латвийские власти говорят, что этого всего не было, и отчет Amnesty International на 60 страниц с описанием пыток — это выдумки и инсинуации, политический заказ, и что надо искать, кому это выгодно, — замечает Анна. — Эта риторика очень похожа на белорусскую.

Юристы PRF оценивают перспективы дела «Х. М. М. против Латвии» как высокие. В аналогичном процессе против Польши суд признал, что вне зависимости от национального законодательства прошение об убежище необходимо принять, позволив его подателю остаться на территории страны, пока оно рассматривается.

белые

верифицированы при общении с заявителями. На одном из видео можно рассмотреть, как латвийские солдаты и пограничники насильно вытесняют людей в глубь своей территории и увозят. Сотрудники Верховного комиссара по делам беженцев не смогли пообщаться с ними. Латвийские власти сказали им, что люди ушли, а куда — неизвестно. Есть подозрение, что это было сделано специально, чтобы не допустить встречи. Видео было верифицировано одним из мигрантов.

За несколько дней до этого латвийский юрист запросил Европейский суд по правам человека ввести обеспечительные меры для группы заявителей (более 40 иракских курдов), и 25 августа этот запрос был удовлетворен. ЕСПЧ постановил выделить всем заявителям еду, воду, одежду, адекватную медицинскую помощь и, если возможно, какой-то временный кров, однако они «исчезли». После этого никто долго не знал, где они, в том числе и адвокат, который занимался делом в ЕСПЧ. Он отказался работать по этому делу в Латвии, и с октября прошлого года к делу подключилась RPF.

Оранжевая палатка

— В конце октября с нами вышли на связь мигранты, которых приняли в Латвии «по соображениям гуманности» и содержали в центре для задержанных иностранцев в Даугавпилсе, — говорит Никита Матющенко. — Они рассказали нам, что провели всё это время в лесу. Оказалось, что утром 24 августа людей с границы отвезли

вены и отвозили в палатку. Так происходило минимум раз в день, иногда и несколько.

— Спецназовцы, которых наши подзащитные называли «коммандос», были не военными и не пограничниками, — рассказывает Анна. — Это были люди в черной экипировке, всегда в балаклавах, вооружены автоматами, и даже наши заявители не могли их иногда различить. Они говорили нам, что эти бойцы, наверное, не подчиняются вообще никому, потому что то, что они себе позволяли, не мог делать больше никто. Они охраняли мигрантов круглосуточно и вгоняли их в сильный стресс.

— Наши заявители говорили, что «коммандос» избивали их, в том числе дубинками, применяли к ним электрошок, — рассказывает Никита Матющенко. — Мы общались с одним человеком, которого пытали утоплением, опуская его голову в воду. Постоянно обыскивали и уничтожали или отбирали телефоны у всех, кто попадал в палатки. И подвергали различному психологическому насилию, оскорбляли, угрожали, унижали.

Анна добавляет, что из палатки нельзя было выйти без разрешения «коммандос». Даже в туалет их сопровождал спецназовец. Туалет представлял собой яму, которую заставили выкопать самих же мигрантов.

Чаще всего, но не всегда люди получали в день одну полулитровую бутылку воды и пачку печенья на человека. Осенью в палатке еще изредка давали теплую жидкость, похожую на суп.

Изредка они выкапывали на белорусской стороне мороженую картофелину, случалось,

мигранты провели там не то что два месяца, а все восемь и за это время сблизилась с белорусскими пограничниками, знали друг друга в лицо и по именам, установили человеческий контакт. И пограничники отправляли эти фото им или их родственникам. У нас сейчас около 60 таких снимков с разных точек, с разными людьми, есть групповые и одиночные.

Правозащитник говорит, что с латвийскими пограничниками такой контакт и не мог установиться: «коммандос» не давали им возможности сблизиться. Били всякий раз, когда они смотрели в глаза силовикам. Даже когда их водили в туалет, им пригибали голову вниз. Белорусы не были так экипированы и вооружены, они ходили с открытыми лицами, там не было спецназа.

— На одном из групповых фото люди сняты на фоне сельского дома, они улыбаются, и сложно поверить, что они в беде, — говорит Анна. — Кажется, что они провели уикэнд на даче. На самом деле, это снято в заброшенной белорусской деревне в нескольких сотнях метров от границы. Дом изнутри весь разрушен. Изредка в нем люди оставались ночевать. Этот дом и еще один у границы использовались как перевалочные пункты. Людей возле них собирали, фотографировали и отправляли назад. На некоторых фото присутствует грузовик с тентом.

С середины декабря 2021 года людей перестали возить в палатку. Они вынуждены были спать под открытым небом в снегу. В палатку пускали только больных. Люди жгли костры, спали возле них по два-три часа сменами, обжигались во сне. Есть редкие фото, на которых люди запечатлены именно на территории Латвии.

На одном уникальном видео белорусского погранкомитета зафиксирована попытка рутинного выдворения мигрантов из Латвии пограничниками и вооруженными людьми в масках у столба № 298 в ночь с 30 на 31 декабря. Она провалилась, потому что ее

Античеловеческий закон

Материал вышел на сайте «Новой газеты Европа» 22 марта 2023 года

Речь писателя Дмитрия Глуховского для незаконного российского суда, на котором его заочно обвиняют в распространении «фейков» об армии

Bernd Weissbrod / Getty Images

Для чего человеку закон? Закон нужен для того, чтобы слабых оградить от посягательств со стороны сильных, а сильных оградить от соблазна посягнуть на слабого. Закон нужен для того, чтобы воздать преступнику и чтобы предотвратить новые преступления. Для того, чтобы худшее в человеке выполоть, а лучшему позволить цвести.

Нет ничего важнее и драгоценнее вашей жизни. Ваша жизнь принадлежит только вам и никому больше. Никто не вправе отнять ее у вас. Никто не вправе погубить тех, кого вы любите. И никто не имеет права приказывать вам убить ни в нем не повинного человека.

Если примут закон, обязывающий меня убивать невиновных, мой долг — нарушить этот закон. Если примут закон, обязывающий меня покрывать убийства невиновных, я должен нарушить и этот закон. Если примут закон, запрещающий говорить правду о том, что другие убивают невинных, такой закон соблюдать не обязан никто.

Неважно, являются ли убийцы солдатами нашей страны. Неважно, выполняли ли они приказ своих командиров, выполняли ли они приказ главнокомандующего. Солдат, убивающий невинного, — преступник, и он страшней обычного уголовника, потому что за ним стоит огромная организованная сила, которой жертва не может сопротивляться.

Для чего нужна статья УК «О распространении заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации»?

Чтобы запретить говорить правду о убийствах и зверствах, которые чинят наши солдаты на украинской земле. О пытках, об изнасилованиях, о внесудебных казнях. Эти пытки и изнасилования задокументированы. Тела — с руками, связанными за спиной белыми лентами, которые приказано было российскими солдатами носить украинским гражданским лицам, — эксгумированы. Это факты. Это уже случилось. Правду невозможно запретить. Можно только пытаться скрыть ее, чтобы убивать, пытаться и насиловать дальше — безнаказанно.

С Россией давно не происходило ничего более разрушительного и расчеловечивающего, чем война против Украины. Моя страна вторглась на территорию соседней страны, которая когда-то была нам братской, без причины и повода. Отправила танки захватывать столицу Украины. Послала самолеты бомбить ее города. Загубила без счета человеческих жизней. Разрушила до основания десятки населенных пунктов. В нарушение международного права захватила и объявила своими украинские земли.

Эту войну нельзя оправдать ничем. Ее ужас и бессмысленность слишком очевидны.

Иллюстрация «Новая газета Европа»

Но люди, которые приказали ее начать — Владимир Путин и его ближайшее окружение, — не могут отступить. Потому что по всем человеческим законам настоящие преступники тут они, и потому что они бояться понести наказание за свое преступление.

Но в России сегодня власть силы. В России сегодня сила ломает людям хребты, сила гнет закон, выбивая из суда право и дальше ломать хребты слабым, и дальше гнуть законы себе на потребу. Поэтому в России принимаются законы античеловеческие.

Запретить называть войну войной, а приказывать называть ее специальной военной операцией — чтобы ни перед чужими, ни перед своими не отчитываться за то, сколько украинцев убито ни за что, сколько российских солдат положено зря. Заткнуть тех, кто посмеет о ней заикаться. Назначить им десять лет тюрьмы, назначить им пятнадцать лет тюрьмы.

Запретить правду называть правдой, а ложь — ложью. Ввести это определение в само именование закона, потребовав называть доказанные факты «заведомо ложной информацией». Разрешить убийства невиновных. Приказывать покрывать их. Отменить воздаяние преступникам. Поощрять их к новым убийствам.

Власть принуждает нас в очень короткий срок поверить в то, что невообразимое зло нормально и желательно. Она заставляет нас отказаться от основных моральных принципов, которые воспитывают в каждом из нас с детства отец и мать. Она приучает нас ко лжи и к убийствам.

У запрета говорить вслух правду и у требования декламировать публично ложь есть смысл. Смысл этот заключается в том, чтобы уничтожить самоуважение у нового поколения россиян. Переломить в них человеческий стержень, плюнуть на себя самих

из страха перед несправедливым наказанием, самолично растоптать в себе моральное основание, естественное понимание того, что такое есть человеческий закон.

С Россией давно не происходило ничего более разрушительного и расчеловечивающего, чем война против Украины. Не сумев расчеловечить украинцев, российская власть расчеловечивает собственных граждан. И пусть разрушения в Украине видны невооруженным взглядом, видно даже из космоса, но те разрушительные процессы, которые российская власть из самосохранения запустила сейчас в народной душе, в ткани нашего общества, пусть они пока и невидимы, ставят под угрозу само существование России.

Чтобы сохранить себя сегодня, российская власть разрушает чудесную цветущую Украину и уничтожает Россию, мою Родину. Я не могу помешать этому, но я не могу об этом молчать.

Я убежден, что говорю правду, изобличая преступления российской армии в Украине. Я убежден, что Министерство обороны и верховное руководство РФ лгали и лгут, оправдывая эту чудовищную, бессмысленную войну. Я убежден, что преступления против России и ее будущего совершаю не я, а они.

Есть законы, которые не должен соблюдать никто. И я не буду их соблюдать.

Новая газета Европа

Главный редактор
Кирилл МАРТЫНОВ
Директор
Мария ЕПИФАНОВА
Выпускающие редакторы
Вячеслав ПОЛОВИНКО
НАДЕЖДА ПРУСЕНКОВА

Издатель:
SIA IZDEVNIECIBA
RIGAS VILNI
R
Председатель правления
издательства:
АЙЯ ШМИДРЕ
aija.smidre@rigasvilni.lv

Адрес редакции:
Ул. Калькю, 15, Рига, LV-1050
Тел.: 67842577
E-mail: birojs@rigasvilni.lv

Исполнительный директор:
АННА ФРЕЙМАНЕ
Тел.: 67842577

Главный редактор
издательства:
АЙНИС САУЛИТИС
Тел.: 67842577

Печать:
SIA Poligrāfijas grupa
Mūkusalā

Тираж:
8 000 экз.

Подписано в печать:
19:00 05.04.2023

Цена:
1,50 Eur